

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)»
Институт открытого и дистанционного образования
Кафедра «Управление и право»

РАБОТА ПРОВЕРЕНА

Рецензент

прокурор г. Копейска
Челябинской области

_____ С.С. Сидоров
_____ 20__ г.

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой

_____ А.А. Демин
_____ 20__ г.

Уголовно – правовая и криминологическая характеристика предусмотренная
ст.106 УК РФ

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 40.03.01.2018.01998. ВКР

Руководитель работы
доцент кафедры УиП

_____ Л.В. Красуцких
_____ 2018 г.

Автор работы

студент группы ДО–554

_____ Э.М. Сафаргалина
_____ 2018 г.

Нормоконтролер

ст.преподаватель кафедры УиП

_____ Е.Н.Бородина
_____ 2018 г.

Челябинск 2018

АННОТАЦИЯ

Сафаргалина Э.М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика предусмотренная ст.106 УК РФ. – Челябинск: ЮУрГУ, 2018, ДО–554, 58 с., библиогр. список – 89 наим.

Объектом выпускной квалификационной работы являются общественные отношения, возникающие в связи с применением уголовно-правовых норм об ответственности за посягательства на жизнь новорожденных.

Предметом исследования выступают уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за убийство, содержащиеся, в частности, в ст. 105, ст. 106, 107 УК РФ; нормы дореволюционного, советского и постсоветского уголовного законодательства об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка, нормы уголовного законодательства зарубежных стран, регламентирующие ответственность за сходные деяния, а также научные работы посвященные уголовно-правовым и криминологическим аспектам убийства матерью новорожденного ребенка.

Целью работы – является исследование уголовно-правовых и криминологических вопросов ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка.

В ходе работы использовались частные методы исследования, такие как формально-логический, системно-структурный, исторический, социологический, сравнительно-правовой и другие.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
1 ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....	9
1.1 Появление и развитие ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка	9
1.2 Особенности регламентации уголовной ответственности за детоубийство в уголовном законодательстве советского и постсоветского периодов	19
2 УГОЛОВНО – ПРАВОВАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕТОУБИЙСТВА.....	26
2.1 Уголовно-правовая характеристика детоубийства	26
2.2 Криминологическая характеристика детоубийства	44
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	51
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	54

ВВЕДЕНИЕ

«Обеспечение безопасности личности, прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств является приоритетным направлением современной уголовной политики России, основанной на конституционных требованиях признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Эффективное обеспечение безопасности личности невозможно без охраны жизни человека. Жизнь человека – важнейшая абсолютная ценность, особая роль в охране которой принадлежит уголовному законодательству.

Право каждого человека на жизнь гарантируется в равном объеме независимо от возраста, пола, расы и других обстоятельств. В то же время самостоятельная ценность личности ребенка специально подчеркивается международным законодательством, которое признает его равноценным членом общества, обладающим от рождения комплексом естественных прав» [1].

«15 сентября 1990 года Российская Федерация стала участником Конвенции ООН о правах ребенка, в которой ребенок рассматривается как самостоятельная личность, наделенная соответствующими правами, способная в определенной мере к их самостоятельному осуществлению и защите» [15].

«В Российской Федерации государственные мероприятия по защите прав ребенка в соответствии с требованиями Конвенции о правах ребенка осуществляются, как правило, на основе специальных нормативных правовых актов. Такой подход является отражением одного из основных принципов Конвенции ООН о правах ребенка и Всемирной Декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей 1990 г. – приоритетности интересов детей перед интересами общества. Пристальное внимание государства к обеспечению прав ребенка, стремление к их максимальной защите требует от законодателя и правоприменителя гибкости в вопросах регламентации и привлечения к ответственности за преступления, посягающие на права ребенка» [15].

«Вместе с тем уголовное законодательство, призванное охранять важнейшие интересы личности остается несовершенно, что не способствует повышению безопасности жизни ребенка. В УК РФ 1996 г. была включена ст. 106, которая предусматривает такое привилегированное преступление как убийство матерью новорожденного ребенка, отражая тем самым конфликт интересов между матерью и ее новорожденным ребенком» [9].

«Несмотря на обоснованность выделения самостоятельной уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность в отношении матери, причинившей смерть новорожденному ребенку в специфических условиях, конструктивные признаки состава ст. 106 УК РФ далеки от однозначного понимания и поэтому даже безупречная квалификация преступных посягательств на жизнь новорожденного не гарантирует надлежащего учета всех криминологически значимых характеристик деяния и лиц, его совершивших. В первые минуты жизни ребенок наиболее зависим от внешних факторов и, прежде всего, от психофизического состояния матери» [21].

«Несмотря на то, что опыт правовой регламентации ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка уже был в российском дореволюционном уголовном праве, данная норма является относительно новой для современного российского уголовного законодательства, а потому требует осмысления с позиций обоснованности, соответствия общегуманистическим ценностям современного общества».

«Проблема уголовно-правовой оценки убийства матерью новорожденного ребенка имеет длительную историю. В разные периоды по-разному решался вопрос об ответственности женщин, убивавших своих новорожденных детей».

«По данной проблеме не было единого мнения и в юридической литературе. Одни авторы работающие над этой проблемой утверждали, что оснований для смягчения наказания за убийство матерью новорожденного ребенка не может быть. Другие высказывались за необходимость самостоятельной привилегированной ответственности за подобные посягательства. Единое мнение по этому вопросу отсутствует и в нашей современной уголовно-правовой доктрине» [30].

«Как отмечает И.С. Федотов, существующая законодательная конструкция ст. 106 УК РФ вызвала трудности в следственной и судебной практике при правовой оценке преступных посягательств, связанных с причинением смерти новорожденным. За время действия рассматриваемой уголовно-правовой нормы в теории и в практике ее применения выявились существенные противоречия, ставящие под сомнение целесообразность и эффективность нормы» [83, с. 29]. Данные противоречия связаны как со спецификой самого деяния, так и с особенностями уголовно-правовой конструкции ст. 106 УК РФ.

«Так, диспозиция ст. 106 УК РФ содержит в себе многие проблемные и неоднозначно толкуемые дефиниции, в частности, «новорожденный», «психотравмирующая ситуация» и др.» [50].

«При этом Уголовный кодекс РФ не содержит определений данных понятий. Вследствие этого отмечается непоследовательность следственно-судебной практики, выражающаяся в характерных для этой категории дел ошибках при квалификации. Указанное обстоятельство подчеркивает особую значимость темы работы в решении вопроса об обоснованности данной привилегированной нормы в системе преступлений против жизни, оптимальности конструкции ст. 106 УК РФ, целесообразности включения тех или иных смягчающих обстоятельств» [50].

Актуальность темы работы подтверждается также неблагоприятными качественными и количественными показателями, которые характерны для убийства матерью новорожденного ребенка.

«Учитывая высокую латентность данного посягательства, размеры таких убийств достаточно велики. Изменяются качественные показатели. Все чаще такие убийства совершаются социально неблагополучными женщинами из низменных побуждений. В условиях неблагоприятной демографической ситуации в стране эта тенденция представляется весьма опасной.

Такое положение требует повышенного внимания к уголовно-правовым и криминологическим характеристикам данного вида преступлений с тем, чтобы оценить эффективность уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за причинение смерти новорожденному ребенку.

Указанные обстоятельства определяют теоретическую и практическую значимость исследования данной темы» [40].

Целью написания данной работы является исследование уголовно-правовых и криминологических вопросов ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка.

К задачам работы относится рассмотрение вопроса появления и развития ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в российском и зарубежном уголовном праве; рассмотрение особенностей ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в нашей стране в советский период; рассмотрение объективных и субъективных признаков статьи 106 (убийство матерью новорожденного ребенка) действующего УК РФ, а также криминологическая характеристика убийства матерью новорожденного ребенка.

Объектом исследования данной работы являются общественные отношения, возникающие в связи с применением уголовно-правовых норм об ответственности за посягательства на жизнь новорожденных.

Предметом исследования выступают уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за убийство, содержащиеся, в частности, в ст. 105, ст. 106, 107 УК РФ; нормы дореволюционного, советского и постсоветского уголовного законодательства об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка, нормы уголовного законодательства зарубежных стран, регламентирующие ответственность за сходные деяния, а также научные работы посвященные уголовно-правовым и криминологическим аспектам убийства матерью новорожденного ребенка.

Вопросы ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка рассматривались в работах Ю.М. Антоняна, М. Авдеевой, М.К. Анианца, С.В. Бородина, Е.И. Грубовой, Л.И. Глухаревой, В.Н. Додонова, К.В. Дядюн, Н.И. Загородникова, Н.Г. Ивановой, В.П. Карлова, О.С. Капинус, В.Д. Меньпагина, С.Ф. Милюкова, Э.Ф. Побегайло, А.А. Пионтковского, М.Д. Шаргородского и обширного ряда других авторов.

В ходе работы использовались частные методы исследования, такие как формально-логический, системно-структурный, исторический, социологический, сравнительно-правовой и другие.

1 ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

1.1. Появление и развитие ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка

«Появлению уголовно-правовых норм об ответственности за убийство новорожденных детей предшествовала длительная история развития религиозных, нравственных и правовых обычаев. В древности у народов, живших на территории современной Европы, детоубийство было не наказуемо, оставаясь за пределами как юридического, так и нравственного, морального внимания. В те времена детоубийство расценивалось как естественное проявление неограниченной родительской власти» [20]. «Как отмечает Р. Шарапов «Убийство ребенка очень распространено у народов, стоящих на низших ступенях культуры, и не вызывает у них ни нравственного, ни юридического осуждения»» [86].

На распространенность детоубийства у тех или иных древних народов влияли самые различные факторы – прежде всего экономического и социокультурного порядка.

«В период матриархата решение вопроса о жизни и смерти ребенка принадлежало матери. При рождении ребенка другого, нежелательного пола или при рождении двойни мать убивала своих детей, объясняя их рождение проявлением злой силы. Особенно было распространено убийство новорожденных девочек. Видимо, такую распространенность можно объяснить, стремлением постоянно ограничивать возможности демографического роста у древних народов. В силу экономических соображений убивали детей-уродов и слабых, нежизнеспособных, а также родившихся при наличии у матери другого, еще не научившегося ходить ребенка или в случае, если мать ребенка умерла. Некоторые кочевые племена убивали детей, родившихся в пути, чтобы не усложнять свою походную жизнь. Постоянные войны, трудности в добывании пищи являлись естественными причинами убийства своих новорожденных детей у первобытных народов» [18].

«Такое же отношение к детоубийству было и у народов Древнего Египта, Древней Греции и Рима, стоявших на более высоких ступенях политического, экономического, культурного развития. Так, древние египтяне полагали, что родители, давшие детям жизнь, не подлежат наказанию за убийство своих детей. В Древней Спарте новорожденные подвергались тщательному осмотру, и слабые или с физическими недостатками дети сбрасывались с Фивейской скалы в море» [18].

«Наиболее четко для того времени институт отцовской власти при решении вопроса о жизни и смерти детей был урегулирован в Древнем Риме. Так, Гай называл институт отцовской власти «строгим национальным институтом римских

граждан» и добавлял, что «...едва ли существует еще другие люди, которые имели бы такую власть над своими детьми, какую имеем мы, то есть римские граждане»» [61, с. 195]

Первоначально власть римского домовладыки была безгранична. Отец семейства имел в отношении своих детей право жизни и смерти, право продажи детей и тому подобное. Считалось, что тот, кто дал жизнь, не может быть наказан смертью за ее причинение. «Право на жизнь детей проявлялось в том, что новорожденному ребенку жизнь оставлялась лишь в том случае, если ее «даровал» отец. В противном случае детей, особенно девочек, предавали смерти.

«Подобное отношение к жизни своих новорожденных детей можно наблюдать у древних галлов, германцев, франков. Государство только в том случае преследовало убийцу, когда этого требовал сам потерпевший, которым являлся не сам новорожденный, а его родители. Поэтому убийство ребенка посторонними лицами было предусмотрено, в частности, Саллической Правдой и влекло за собой обязанность уплаты композиции или вергельда. Помимо непосредственно убийства чужого ребенка, убийство женщины в детородном возрасте, а также беременной относились к преступлениям против детей. Тройной вергельд полагался также и за убийство ребенка до 10 лет» [61, с. 258].

«В Древней Руси детоубийство, то есть убийство младенца родителями, в частности, матерью также не признавалось преступлением. Автор известного труда «История государства Российского» Н.М. Карамзин отмечал, что «всякая мать имела у них (языческих славян) право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству»» [31, с. 125]. «Однако мнение о распространенности у славян детоубийства не является повсеместным. Известный историк российского права М.Ф. Владимирский-Буданов считал, что из славянских народов такой обычай приписывался только поморам, указывая, что «о древних восточных славянах мы не имеем подобных известий (о распространенности детоубийств)»» [13, с. 453].

«С течением времени древнее право родителей на жизнь своих детей постепенно сводится к праву их наказания в интересах воспитания, становясь не столько правом, сколько обязанностью. Например, в Древнем Риме широкие права отца семейства были существенно ограничены законом Ромула, вошедшим позднее в Законы XII таблиц. В нем разрешалось убийство ребенка только до трехлетнего возраста, слабого и уродливого. Значительные законодательные изменения, касающиеся детоубийства родителями, датируются 319 годом. Тогда императором Константином такое убийство было отнесено к квалифицированному и каралось смертной казнью» [61].

«В дальнейшем законодательные установления о детоубийстве определяются отношением христианской религии к этому деянию. Для христианина лишение жизни другого человека и даже самоубийство являлись тяжкими нарушениями заповеди «не убий», которая не знала никаких исключений. Именно с появлением христианства в ребенке начинают видеть человека, обладающего душой.

Женщины – христианки, виновные в убийстве своих новорожденных детей, подлежали пожизненному церковному наказанию. Наиболее тяжким по каноническому праву считалось убийство незаконнорожденного младенца его матерью. Только если убийство совершалось матерью из-за бедности, наказание могло быть менее суровым (не более десяти лет церковного заточения – эпитимии)» [50, с. 174].

«Позднее, когда христианство стало господствующей европейской религией, духовенство выступило сторонником более жестких мер по отношению к детоубийцам. Каноническое право быстро воспринимается светским законодательством. В европейских кодексах, принадлежащих периоду господства церкви (средние века и примерно конец XVII века), убийство детей родителями относилось к одному из самых тяжких преступлений» [18]. Суровые наказания за убийство матерью новорожденных предусматривали Бамбергское Уложение 1507 года, а вслед за ним Каролина (Уложение Карла V 1532 года), в точности повторяя запреты на убийство младенцев первого Уголовного кодекса Германии. Согласно ст. XXXI Каролины: «...женщина, которая злоумышленно, тайно и по своей воле убьет своего ребенка, уже получившего жизнь и сформировавшиеся члены, да будет ... заживо погребена и пробита колом». Как и Бамбергское Уложение, Каролина допускала альтернативное наказание за это преступление. Если в месте отправления правосудия имелось «достаточное количество воды и если детоубийства не часты», погребение детоубийц живыми могло заменяться утоплением.

«В средневековой Франции законодательное решение вопроса о детоубийстве принадлежит эдикту короля Генриха II 1556 года. Содержание эдикта свидетельствует о том, что этот документ главным образом являлся средством борьбы не столько с убийствами внебрачных детей, сколько с нарушениями церковных заповедей о необходимости крещения младенцев. «Всякая женщина, которая будет достаточно уличена в том, что скрыла, как свою беременность, так и роды, не заявив ни о том, ни о другом, не запасшись достаточными свидетелями о том и другом, ни относительно смерти, ни относительно жизни её ребенка в момент его выхода из её живота, должна считаться его убийцей, если будет найдено, что ребенок был лишен как таинства крещения, так и публичного погребения». Очевидно, что документ имел в виду лишь женщин-христианок, поскольку только на них лежала обязанность крещения своих детей и исполнения других церковных обрядов. Поэтому случаи лишения жизни младенцев женщинами, исповедовавшими другие религии, находились за рамками уголовно-правового регулирования этим законом. Видимо, в этих случаях ответственность наступала на общих основаниях» [50, с. 174].

Баварский кодекс 1756 года за убийство матерью новорожденного ребенка из страха или стыда в качестве наказания устанавливал смертную казнь путем отсечения головы с предварительным рванием тела раскаленными щипцами. Особенно строго относился закон к тем случаям, когда находили мертвого ребенка незамужней женщины, которая родила его тайно. Однако уже

австрийская Терезиана 1768 года (Уголовный кодекс Марии-Терезии) за аналогичное преступление устанавливала наказание более мягкое, чем за убийство родителями своих законных детей. Статья 86 кодекса, предусматривавшая за родственное убийство колесование или четвертование, «менее сурово» наказывала лишь женщин, виновных в убийстве своего внебрачного ребенка, – простым отсечением головы. Смертная казнь отягчалась разрыванием тела раскаленными щипцами, если убитый ребенок был не крещен или был убит с особой жестокостью.

«Распространение христианства отразилось и на развитии русского права. По мнению И. Д. Беляев «применение византийского права церковными учреждениями и должностными лицами как по уголовным, так и по гражданским делам тем более было необходимо, что Русская Правда и другие древнерусские законы имели заметные пробелы»» [10, с. 37].

В то же время ответственность за детоубийство на Руси первоначально не носила столь жесткий характер, как в средневековой Европе. Действительно, православный церковный закон требовал сурово наказывать тех женщин, которые пытались самостоятельно регулировать число деторождения, избегали нежелательных беременностей, прерывали их, – отлучением от причастия, постами, поклонами, покаянием перед священником. Причем осуждались не только сами проступки, но и «помыслы» о них, пусть даже вызванные обстоятельствами отнюдь не личными – бедностью, невозможностью прокормить ребенка. В борьбе за жизнь ребенка древнерусские церковнослужители настаивали на том, чтобы мать, «блюдя дитя во чреве», не делала в церкви земных поклонов: «не велите ей кланяться на коленях, ни рукою до земли, ни в велики пост: от того бо вережаются и измечают младенца».

Уже в Уставе князя Владимира Святославовича, в его Синодальной редакции (ст.9) в качестве деяния, влекущего наказание, впервые упоминается детоубийство. Так, статья 9 Устава содержала перечень поступков, которые расценивались с точки зрения церковного права как преступления, и устанавливала юрисдикцию органов, которые должны были рассматривать подобные дела. К числу деяний, подлежащих рассмотрению в церковном суде, названный Устав относил случаи, когда «девка дитя повержет».

Устав князя Владимира не определял меру наказания за это деяние. Предписания ст.9 Устава имели двоякий смысл: с одной стороны, их материально-правовое значение состояло в объявлении общественно опасными таких поступков, которые не рассматривались как преступления русским обычным правом, а с другой, в том, что они выполняли процессуальную функцию, определяя подведомственность подобных дел церковным судам. В статье 10 того же Устава указывалось, что «...те все суды церкви даны суть. Князю да боярам судьям их в те суды нельзя вступатися».

Развивая основные идеи, заложенные в Уставе князя Владимира Святого, Устав князя Ярослава Мудрого, возникший приблизительно в 1051-1054 гг., расширил круг регулируемых церковным правом отношений. Статьи 5 и 6 Устава

подтвердили негативное отношение церкви к случаям не только избавления от плода или младенца, в частности, незаконнорожденного, но и к случаям рождения внебрачного ребенка. За все эти деяния мать помещалась в церковный дом. Согласно заповедям митрополита Георгия за это налагалась эпитимия – трехлетний пост.

Общеизвестно, что Устав князя Ярослава имел несколько редакций - Пространную, Краткую, а также Румянцевскую, Тарновскую, Устюжную и др. Упомянутая выше норма Краткой Редакции в части детоубийства дополнялась ст.6 Пространной Редакции Устава. Статья 6, по сравнению с Краткой редакцией, включала расширенный перечень видов детоубийства, совершаемого замужней женщиной. Согласно этой норме, если «женка без своего мужа или при межи дитяти добудет, да погубит, или в свиньи ввержет, или утопит», её надлежало «пояти (отправлять) в дом церковный», т.е. в монастырь.

Итак, в Древней Руси детоубийство долгое время считалось грехом, а не преступлением. Отраженное в Уставах русских князей каноническое византийское право видело в детоубийстве скорее посягательство на христианские устои семьи и нравственности, а не на жизнь. Однако в сравнении с жесточайшими наказаниями уголовных кодексов средневековой Европы древнерусские церковные уставы предусматривали лишь церковное покаяние - эпитимию за умерщвление младенца, независимо от того был ребенок рожден в браке или нет. Однако, скорее всего, это не свидетельствует о более снисходительном отношении к детоубийству на Руси, а объясняется отсутствием в русской обычно-правовой системе привычных для европейской и византийской правовых систем суровых уголовных наказаний.

Суровые наказания за это преступление в России появляются позднее, в процессе ужесточения всей системы наказаний за общеуголовные преступления. Впервые детоубийство в качестве «светского» преступления называется в Соборном Уложении царя Алексея Михайловича 1649 года. Отражая принципы феодального права – привилегии, Уложение закрепляло неограниченное право отца и матери по отношению к своим детям, мужа по отношению к жене.

К убийствам при отягчающих обстоятельствах Уложение относило убийство женой мужа, убийство родителей, братьев и сестер, а также незаконнорожденных детей. Так, ст.26 гл. XXII Уложения предусматривала ответственность в случае, если «которая жена учнет жити блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей, и тех детей сама или иной кто по её велению погубит», а затем «сищица про то допряма». Таких «беззаконных жен, и кто по её велению детей её погубит» надлежало «казнить смертью безо всякие пощады». В то же время убийство законнорожденного сына или дочери влекло для родителей лишь тюремное заключение на год, а по отбытии церковное покаяние. Так, в ст.3 гл. XXII Уложения указывалось, что если «отец или мать сына или дочь убьет до смерти, и их за то посадить в тюрьму на год, а отсидев в тюрьме год, приходиться им в церкви божий объявлять свой грех людям вслух: а смертью отца и матери за сына или за

дочь не казнить». В подобном убийстве законодатель усматривал превышение естественного проявления родительской власти над своими детьми.

«Можно сделать вывод, что отнесение убийства незаконнорожденного ребенка к квалифицированному виду как в России, так и в большинстве средневековых европейских стран имело главной целью преследование незаконного сожительства и блуда, и лишь затем самого факта лишения жизни младенца. Именно поэтому, например, российский законодатель из общего понятие детоубийства выделял особый вид – убийство незаконнорожденного, стремясь добиться общепреventивной цели, «чтоб на то смотря иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися». В самом таком рождении, – полагал И.Я. Фойницкий, – видели уклонение от брачного союза и к случаям убийства незаконнорожденного начали относиться весьма строго» [84, с. 83].

«Воинский Артикул Петра I в отличие от сохраняющего свое действие Соборного Уложения 1649 года отнес детоубийство, в частности, законнорожденного ребенка, к тяжкому квалифицированному виду убийства. В связи с этим едва ли можно согласиться с Н.С. Таганцевым, который считал, что нормы Соборного Уложения 1649 года, предусматривающие положение о том, что «смертию отца и матери за сына и за дочь не казнить», распространялись и на петровское законодательство. Более мягкое наказание (не смертная казнь) полагалось лишь в том случае, если убийство «учинитца не нарочно и не в намерении кого умертвить», а в результате применения к ребенку наказания. В частности, статья 163 подтверждала, что в таких случаях «наказание легче бывает». Данное обстоятельство рассматривалось как смягчающее вину и влекло значительно меньшее наказание – годичное тюремное заключение, а затем церковное покаяние» [75, с. 106].

Наряду с этим, «борясь со злом во всех проявлениях русской жизни широкими реформами, посредством изменения условий государственной и общественной жизни, Петр I понял главнейшую причину, которая толкала внебрачных матерей на убийство их детей: это были их позор и страх перед общественным мнением».

В 1714 и 1715 гг. Петром I были изданы указы, предписывающие создание особых домов для содержания в них внебрачных детей. Такие дома создавались «для сохранения зазорных младенцев, которых жены и девки рожают беззаконно, и стыда ради отметывают в разные места, от чего оные младенцы безгодно помирают, а иные от тех же, кои рожают, и умерщвляются». Женщины могли приносить своих внебрачных детей тайно, с закрытыми лицами, не называя своего имени. По-видимому, издавая эти указы, Петр I исходил скорее из практических соображений, стремясь увеличивать население России, её воинские ресурсы.

Следующий этап в регламентации ответственности обусловлен дальнейшим развитием философии, психологии, медицины. Уже начиная с XVIII века мыслители эпохи Просвещения начинают связывать возможность ответственности за детоубийство с мотивами этого преступления, ставя под сомнение религиозные каноны о том, что детоубийство нарушает законы

нравственности и лишает ребенка «благодати крещения». «Детоубийца, – говорили они, – в большинстве жертва соблазна, а иногда и грубого насилия, стремящаяся своим преступлением избежать грозящего позора». По их мнению, смертная казнь за это преступление – несправедливое и жестокое наказание. И прежде чем карать детоубийц, необходимо вначале устранить его причины. «Признавая несомненную опасность этого преступления, Ч. Беккария считал возможным наказывать детоубийц лишь при условии эффективной системы профилактики таких преступлений» [9, с. 195] .

Распространенность и чрезвычайное влияние, какое оказывали эти научные взгляды на европейское законодательство того времени, явились веским основанием для существенных изменений в регламентации ответственности за детоубийство. Кроме того, появившаяся в период буржуазных революций тенденция к сужению перечня преступлений, наказуемых смертной казнью, отразилась и на отношении законодателя к детоубийству. Значительно раньше, чем в России, детоубийство начинает рассматриваться не как квалифицированный, а как привилегированный вид убийства. Примечательно, что общественное мнение, практика опережали законодателя. Как отмечал А.Ф. Кистяковский, «при решении случаев детоубийства, насчет наказуемости которого закон расходился с общественной совестью, присяжные часто произносили вердикт о невиновности, хотя они были убеждены в противном, только бы не допустить смертной казни».

В пользу более снисходительного отношения к детоубийству повлияли и достижения медицинской науки XVIII века. Было признано, что роды могут неблагоприятно отразиться на психофизическом состоянии роженицы и в свою очередь лишить её способности отдавать отчет в своих действиях.

Постепенно под влиянием науки в уголовном праве европейских государств детоубийство начинает признаваться привилегированным преступлением.

В Англии вплоть до 1922 года детоубийство считалось предумышленным, то есть совершенным со злым предвидением тяжким убийством и каралось смертной казнью. Однако практика относилась к детоубийцам более чем снисходительно и фактически выделяла это преступление из числа тяжких убийств в зависимости от конкретной ситуации. Существующая в Англии прецедентная система права вполне позволяла выносить различные и прямо противоположные решения в случае убийства матерью своего новорожденного ребенка. Так, с 1905 по 1921 год 60 женщинам, приговоренным к смертной казни за детоубийство в 59 случаях, наказание было смягчено. Смертный приговор, вынесенный присяжными в порядке помилования, заменялся тюремным заключением. Такая установившаяся практика вскоре нашла свое законодательное закрепление. Закон о детоубийстве, принятый в 1922 году, должен был упорядочить случаи смягчения наказания за это преступление. Согласно этому закону убийство матерью новорожденного ребенка рассматривалось как привилегированное только при наличии совокупности указанных в правовом акте обстоятельств.

В качестве таковых предусматривалось, во-первых, особое психофизическое состояние матери. Для этого нужно было установить, что «мать не оправилась после родов, поэтому её душевное равновесие было нарушено».

«Второе обстоятельство было связано с возрастом ребенка. Закон 1922 года лишь называл потерпевшего, не определяя период новорожденности. Это привело к тому, что практика в каждой конкретной ситуации стала оценивать возраст родившегося младенца по-разному. Так, английские медики ограничивают это понятие 16-тью днями. Очевидное несоответствие между периодом новорожденности и возможным продолжающимся длительное время послеродовым состоянием матери послужило причиной для изменения закона. В настоящее время ответственность за детоубийство в Великобритании регламентируется законом «О детоубийстве» 1936» [66, с. 173].

Начиная с XIX века немецкие кодексы начинают признавать детоубийство привилегированным преступлением, называя смягчающими самые разные обстоятельства. Так, баденский, гессенский, прусский, саксонский уголовные законы смягчали наказание за детоубийство в случае, если мать убивала своего незаконнорожденного ребенка. В других землях (например, в Баварии) ответственность снижалась за всякое убийство матерью своего новорожденного в случае, если преступление было совершено тотчас после родов. В качестве возможных наказаний предусматривались каторжные работы по разным кодексам от 2 до 20 лет.

Наказание за убийство матерью новорожденного в данный период было смягчено также в Голландии, Испании, Швейцарии.

«Так, Уголовный кодекс Испании 1870 года под детоубийством понимал случаи, когда, согласно ст.416 кодекса «мать... для сокрытия своего бесчестия убьет своего новорожденного ребенка». Каралось такое преступление тюрьмой низшей и средней степени». При этом субъектами привилегированного детоубийства могли быть наряду с матерью еще и родственники матери по восходящей линии, которые совершили это преступление «для сокрытия бесчестия матери». Таким образом, обстоятельством, позволявшим менее сурово наказывать детоубийц, назывался мотив преступления, а именно – «сокрытие своего бесчестия» или «бесчестия» дочери, матери и т.д. Закон не указывал на законность или незаконность происхождения ребенка, однако логическое толкование нормы позволяет сделать вывод о том, что ответственность по этой статье могла наступить только за убийство внебрачного ребенка» [25, с. 219].

Снижение наказания за данное посягательство в европейских странах нельзя назвать повсеместным. Так, например, во Франции в принятом в 1810 году Уголовном Уложении предусматривалась специальная норма о детоубийстве, которое относилось к квалифицированному виду убийства и за совершение которого, предусматривалась смертная казнь. Столь суровое наказание за это преступление объяснялось, по мнению И.Л. Фойницкого, тем, что «оно посягает на жизнь существа, еще не известного общественной власти и лишенного его охраны, причем бесследно стирается его происхождение». Именно такое

«уничтожение гражданского состояния» и рассматривалось в качестве отягчающего обстоятельства.

«Тем не менее, французская судебная практика свидетельствовала о значительно более снисходительном отношении к детоубийцам. Суд присяжных в большинстве случаев предпочитал оправдывать обвиняемых в детоубийстве женщин. И лишь закон 1901 года, внесший изменения в УК Франции, окончательно «легализовал» привилегированное отношение к детоубийству. Определяя детоубийство как умышленное или предумышленное убийство новорожденного ребенка, ч.2 ст.302 уголовного кодекса Франции следующим образом наказывала за подобные деяния: «мать, независимо от того, была ли она непосредственной исполнительницей или соучастницей предумышленного или умышленного убийства своего новорожденного ребенка, наказывается: в первом случае – каторжными работами, а во втором случае – каторжными работами на срок, но это постановление не применяется к лицам, которые совместно с нею совершили убийство или были её соучастниками». Позднее в соответствии с законом от 13 апреля 1984 года статья 302 вновь была изменена. Наряду с достаточно суровой ответственностью за все виды убийств законодатель сделал исключение для матери, которая была исполнителем или соучастником детоубийства. Теперь «мать, являющаяся главным исполнителем или соучастником предумышленного или умышленного убийства своего новорожденного ребенка», наказывалась «уголовным заключением сроком от десяти до двадцати лет». Другие участники убийства несли уголовную ответственность на общих основаниях» [25, с/ 220].

Научные изыскания в этой области и последовавшее за ними снижение наказания за детоубийство в ряде европейских государств оказали влияние на вопросы регламентации ответственности за детоубийство в дореволюционной России.

«1 января 1835 года в России вступил в действие Свод законов Российской империи, в том числе уголовных, ставший фактически первым уголовным кодексом, в котором были системно изложены положения Общей и Особенной части. К умышленному убийству при отягчающих обстоятельствах законодатель наряду с убийством отца или матери, братоубийством (сестры или брата) и других родственных убийств относил чадоубийство (сына или дочери) и детоубийство (малолетнего). Убийство при отягчающих обстоятельствах наказывалось бессрочными каторжными работами. Таким образом, Свод законов не выделял в качестве привилегированного убийство незаконно рожденного ребенка. Умышленное причинение смерти малолетнему ребенку независимо от его возраста и законности рождения признавалось тяжким преступлением» [10, с. 186].

В свою очередь, принятое в 1845 году Уложение о наказаниях уголовных и исправительных различало два вида детоубийства. Предумышленное убийство сына или дочери, рожденных в законном браке, признавалось согласно ст. 1451 Уложения тяжким родственным убийством, наряду с убийством жены или мужа,

родных деда или бабушки и других родственников по восходящей или нисходящей линии. Такое преступление наказывалось лишением всех прав состояния и пожизненными каторжными работами. Второй вид детоубийства был предусмотрен ч.2 ст. 1451 Уложения, где указывалось, что «наказание смягчается в случае, когда убийство внебрачного сына или дочери совершено матерью от стыда или страха, при самом рождении младенца, если, однако же, при этом не будет доказано, что она была уже прежде виновата в том же преступлении». В сравнении с наказанием за убийство законного ребенка наказание за убийство внебрачного ребенка влекло каторжные работы на 12-15 лет (и наказание плетью от 8 до 70 ударов).

«Субъектом этого преступления могла быть только мать. При этом не имело значения, была виновная замужем, незамужней или вдовой. Незаконнорожденными признавались дети, «родившиеся от внебрачного сожития, добровольного или насильственного, с каким бы то ни было лицом либо зачатые от прелюбодейного сожития, то есть не от мужа, а также родившиеся в незаконном браке». Поэтому, по мнению Н.С. Таганцева, часть 2 ст. 1452 Уложения вполне могла применяться к замужним женщинам, виновным в убийстве своих незаконнорожденных детей» [75, с. 121].

Еще менее строго наказывалось непредумышленное убийство ребенка. Согласно ст. 1445 Уложения: «Виновная в оном женщина, особенно если она незамужняя и разрешилась от бремени в первый раз», лишалась «всех особенных, лично или по состоянию присвоенных прав и преимуществ» и подлежала «заключению в тюрьму на время от пяти до шести или от четырех до пяти лет». Особо смягчающим обстоятельством, позволяющим максимально снижать наказание в рамках этой санкции, был тот факт, что женщина была не замужем и «разрешилась от бремени в первый раз».

Уложение содержало еще одну специальную норму, устанавливающую ответственность за посягательство на жизнь ребенка. Речь идет об оставлении «женщиною от стыда или страха её незаконнорожденного младенца в опасности», в случае если младенец погиб. Виновная наказывалась лишением всех «особых лично и по стоянию присвоенных ей прав и преимуществ и ссылкой в Сибирь на жилье на время от восьми до десяти лет». Помимо этого женщина могла быть подвергнута телесным наказаниям в виде ударов розгами от 60 до 70 ударов (Ст. 1452 Уложения).

Уголовное Уложение 1903 года не внесло принципиальных изменений в норму о детоубийстве. Привилегированным признавалось только убийство матерью своего внебрачного ребенка. И хотя единого мнения по поводу того, кто является незаконнорожденным, среди ученых не было, а в законе это положение не оговаривалось, на практике под незаконнорожденным ребенком понимался ребенок, «прижитый или вне брака, или в браке, но не от мужа». Некоторые ученые считали, что убийство ребенка, зачатого и рожденного в гражданском браке, то есть недействительном по действующему законодательству, не могло

квалифицироваться по статье 461 Уложения и ответственность за такое детоубийство должна была наступать на общих основаниях.

Таким образом, развитие и совершенствование российского уголовного законодательства об ответственности за детоубийство поэтапно совпадает с аналогичными периодами в регламентации ответственности за данное деяние в законодательстве зарубежных стран. Основные доводы, обосновывающие самостоятельную ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка, были связаны с научными достижениями в медицине, свидетельствующими о неизбежных изменениях в психике, вызванных родовыми муками, а также фактом незаконности рождения новорожденного ребенка. В случае убийства законнорожденного ребенка уголовная ответственность должна была наступать за простое либо квалифицированное убийство.

1.2. Особенности регламентации уголовной ответственности за детоубийство в уголовном законодательстве советского и постсоветского периодов

«Процесс становления уголовного законодательства послеоктябрьского периода развивался достаточно динамично и неоднозначно. И хотя уже в первом Декрете СНК № 1 от 24 ноября 1917 года говорилось о том, что судам разрешается руководствоваться в своей деятельности законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному сознанию, фактически дореволюционное уголовное законодательство было полностью отброшено» [29, с. 418].

Все вышесказанное относится и к законодательству о преступлениях против жизни, к порядку расследования и судебного разбирательства этой категории дел. Были образованы окружные народные суды и революционные трибуналы, в подсудность которых входило рассмотрение уголовных дел о преступлениях против жизни, в том числе и о детоубийствах. Установление уголовной ответственности за эти преступления и урегулирование отношений, обеспечивающих охрану жизни, произошло значительно позднее. Пока же правосудие по этой категории дел вершилось с позиций революционного сознания и классовой принадлежности. В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года определение размера наказания ставилось в зависимость от принадлежности виновного к тому или иному классу.

Специальной нормы, устанавливающей ответственность за детоубийство, первый УК Советской России 1922 года не предусматривал. Убийство матерью своего новорожденного ребенка относилось к числу преступлений с отягчающими обстоятельствами. «Признаки, позволяющие оценивать детоубийство как квалифицированное убийство, регламентировались пунктам д) и е) ст. 142 УК РСФСР. Пункт «д» ст. 142 УК предусматривал ответственность за умышленное убийство лицом, в обязанности которого входила особая забота об

убитом, а пункт «е» отягчающим обстоятельством признавал беспомощное положение убитого, которое использовалось виновным. Под действие этих пунктов подпадало как любое детоубийство (родителями ребенка и посторонними лицами), так и детоубийство в узком смысле слова, а именно убийство матерью своего новорожденного ребенка» [63, с. 186].

В тот период убийство не влекло в качестве наказания смертную казнь. И все же санкции, предусматривающие ответственность за данное деяние, были довольно суровы. За умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах предусматривало наказание в виде лишения свободы на срок не ниже восьми лет со строгой изоляцией.

В дальнейшем наказуемость посягательств на малолетних детей усилилась. Декрет ВЦИК и СНК от 11 августа 1924 года дополнил УК РСФСР 1922 года статьей 25-а, включив в число отягчающих обстоятельств совершение деяния в отношении лица, находившегося на попечении или лица особо беспомощного по возрасту.

Принятый в 1926 году Уголовный кодекс РСФСР сохранил неизменной диспозицию статьи 142 УК. Изменилась лишь санкция. Согласно ст. 136 УК РСФСР 1926 года умышленное убийство лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом либо с использованием беспомощного положения убитого, наказывалось лишением свободы со строгой изоляцией на срок до десяти лет.

«Однако, как отмечают О. Погодин, А. Тайбаков, формальное усиление наказания за детоубийство фактически не отразилось на практике рассмотрение этой категории дел. В то время, как согласно законодательству случаи детоубийства должны были влечь лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже восьми лет (по УК РСФСР 1922), а по УК РСФСР 1926 года до 10 лет, судебная практика прибегала к смягчению меры наказания в порядке ст.28 УК РСФСР 1922 г. (ст.51 УК РСФСР 1926 года)» [65, с. 31].

В некоторых случаях правоприменитель искусственно прибегал к квалификации совершенного убийства как особого преступления - «оставления в опасности» (ст. 163 УК РСФСР). Более того, сам законодатель, указав верхние пределы санкции за квалифицированное убийство без указания её нижнего предела, расширил возможности суда для назначения более мягкого наказания за детоубийство.

При этом исправительно-трудовые работы и наказания, назначенные условно, вопреки санкции ст. 136 УК РСФСР, составляли больше половины приговоров по делам о детоубийствах. Такая позиция практики разъяснялась в инструктивном письме Уголовно-кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР № 2 за 1926 год. В нем указывалось на существующее несоответствие между сущностью и степенью социальной опасности детоубийства и остальными преступлениями, предусмотренными ст. 142 УК РСФСР. Коллегия рекомендовала следующее: «если подобного рода преступление совершено впервые и вызвано такими причинами, как острая материальная нужда матери, обрекающая ее, и ребенка на

голодное существование, острое чувство стыда под давлением невежественной среды, создающей в будущем невыносимую жизнь матери и ребенку; болезненная психика, расшатанная самими родами и обычной в таких случаях обстановкой (роды без посторонней помощи, в одиночестве, часто в сарае или где-либо в этом роде и т.п.), то за преступления этого рода назначать меру социальной защиты в виде лишения свободы на минимальные сроки или ставить вопрос об условном осуждении». Однако в письме делалась оговорка, согласно которой «назначение столь мягких мер социальной защиты за убийство матерью своего ребенка при рождении коллегия считает возможным и целесообразным исключительно в тех случаях, когда убийство это было результатом действия указанных причин... в случае очень низкого культурного уровня матери. Если же преступление совершено достаточно культурной матерью и притом при сравнительно благоприятных материальных условиях, то коллегия не видит никаких оснований для применения мягких мер социальных защиты» [65, с. 31].

Следует отметить неоднозначное отношение в оценке социальной опасности детоубийства со стороны законодателя и правоприменителя, которое в целом не способствовало единообразному законоприменению. Свидетельством тому являются многочисленные дискуссии среди практических работников уголовной юстиции, развернувшиеся на страницах юридической печати тех лет. В то время как Уголовная кассационная коллегия внесла рекомендации о возможности снижения наказания за убийство матерью новорожденного ребенка, многие практические работники высказывались за усиление репрессий в отношении детоубийц.

Что касается уголовного законодательства других союзных республик, то оно в точности повторяло положения УК РСФСР 1926 года. Детоубийство, как и другие виды умышленного убийства, наказывалось в рамках одной общей нормы. И лишь украинский законодатель дифференцировал ответственность за детоубийство.

«К середине 30-х годов снисходительное отношение практики к этой категории дел постепенно сменяется ужесточением уголовно-правовых мер за это посягательство. Признается, что в связи с «ростом материального и культурного уровня масс и возросшим вниманием со стороны государства к нуждам матери и ребенка» исчезли и причины для убийства матерью своего ребенка. «Теперь уже нет оснований находить в поведении матери, убившей своего ребенка, смягчающие вину обстоятельства в виде ссылки на тяжелые материальные условия её существования, на стыд перед окружающими за рождение внебрачного ребенка и т.п.». Считалось, что детоубийство утратило реальные социально-экономические причины и потому признавалось в официальных кругах пережитком капитализма, так как отражало «сопротивление враждебных делу социализма элементов, мероприятиям партии и правительства по охране прав и интересов детей, нежелание иметь детей и платить алименты»» [58, с. 126].

Другая причина для ужесточения наказания за данное деяние была обусловлена ростом детоубийств. С 1936 г. с принятием закона о запрещении

абортов количество преступлений в 1936 г. по сравнению с предыдущими годами выросло на 80 %, в 1937 – на 117 %.

В этих условиях позиция Верховного Суда РСФСР не могла остаться прежней. В специальном циркуляре Верховного Суда и НКЮ РСФСР от 27 августа 1935 года указывалось, что в новых условиях быта, возросшей материальной обеспеченности и «культурности» всех трудящихся СССР является неправильным применение за детоубийство условного осуждения или иных мягких мер наказания по мотивам материальной нужды, низкого культурного уровня, нападков и издевательств со стороны родных и окружающих и т. п. Карательная политика судебных органов по борьбе с детоубийствами, согласно указаниям этого циркуляра, должна была идти «по линии общего усиления репрессии, то есть применения безусловного лишения свободы сопровождаться одновременно развернутой, на основе судебных процессов, широкой разъяснительной и профилактической работой».

Наряду с резким ужесточением уголовной репрессии в отношении исполнителей этих преступлений усилилась борьба с подстрекателями и пособниками детоубийц. Необходимость такой борьбы не раз обосновывалась в печати. Согласно разъяснению Верховного Суда РСФСР от 28 августа 1935 года пособники и подстрекатели должны были привлекаться к уголовной ответственности как соучастники убийства по ст.ст.17 и 136 УК РСФСР 1926 года.

В этот период были приняты важнейшие нормативные акты, социальная направленность которых заключалась в том, что они должны были способствовать искоренению основных причин, толкающих женщин на совершение детоубийств.

Однако следует отметить, что судебная практика этого периода продолжала идти в обход предписаниям закона, требующего суровых мер социальной защиты за названное деяние. Несмотря на наметившиеся в судебной практике и обозначенные выше репрессивные тенденции в отношении детоубийц, наказание, назначаемое за данный вид убийства, оставалось более мягким, чем за остальные виды убийств.

Указанное противоречие между действующим законодательством и установившейся практикой привлекало внимание многих советских юристов. Выход из создавшегося положения виделся в необходимости включения в уголовные кодексы специальной нормы, которая бы дифференцировала ответственность за убийство, обособив случаи убийства матерью своего новорожденного ребенка.

«За необходимость включения самостоятельного состава об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в систему Особенной части уголовного законодательства РСФСР выступали в частности М. Авдеева, М.Д.Шаргородский, позднее М.К. Анианц, Э.Ф. Побегайло» [64, с. 38]. В целом доводы в пользу отнесения убийства матерью новорожденного ребенка к привилегированному преступлению сводились к обстоятельствам,

обусловленным здоровьем виновной. В числе оснований для понижения наказания за детоубийство отдельные авторы называли также побуждения, связанные с пережитками прошлого в отношении к женщине и иными социальными факторами.

Другие ученые полагали, что оснований для позитивного решения этого вопроса нет. «По мнению Н.И. Загородникова, выделение состава детоубийства создает привилегированное положение и для лиц, совершивших убийство новорожденного ребенка по низменным, корыстным, антиобщественным мотивам, иногда жестоким образом и без каких бы то ни было смягчающих обстоятельств. По его мнению, действующее уголовное законодательство (УК РСФСР) и без специальной нормы давало суду возможность определить матерям, наказание за детоубийство с учетомотягчающих и смягчающих обстоятельств, в том числе аномалий в состоянии здоровья женщины, а также особого психологического состояния роженицы» [23, с. 165]. Полемика о целесообразности такой статьи продолжалась многие годы. Весьма остро стоял вопрос о привилегированной норме и при обсуждении проектов Уголовных кодексов союзных республик в 1959 – 1961 годах.

Итогом этого процесса стало включение в уголовные кодексы большинства союзных республик специальной нормы о детоубийстве. Статьи о привилегированном детоубийстве появились в десяти уголовных кодексах республик Советского Союза – Украинской ССР, Молдавской ССР, Узбекской ССР, Азербайджанской ССР, Таджикской ССР, Туркменской ССР, Литовской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР, Киргизской ССР. В названных уголовных законах союзных республик детоубийство рассматривалось как преступление со смягчающими обстоятельствами и формулировалось как «умышленное убийство матерью своего новорожденного ребенка во время или непосредственно после родов».

«Однако наказывалось детоубийство по-разному: по УК Литовской, Латвийской, Таджикской, Туркменской ССР – до пяти лет лишения свободы, по УК Киргизской, Азербайджанской, Молдавской, Узбекской и Украинской республик - до трех лет, по УК Эстонской ССР - до четырех лет. Помимо лишения свободы, в качестве альтернативного наказания законодатели Литовской и Молдавской ССР предусматривали за детоубийство исправительно-трудовые работы сроком до 1 года. Кроме того, УК Азербайджанской ССР, Литовской ССР, Латвийской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР учитывали повторное совершение детоубийства как квалифицирующее обстоятельство в рамках привилегированного состава» [68, с. 63].

«В то же время Уголовные кодексы РСФСР, Белорусской ССР, Грузинской ССР, Армянской ССР, Казахской ССР в оценке общественной опасности детоубийства остались на прежних позициях. В этих республиках действия матери, виновной в убийстве своего новорожденного ребенка, после принятия в 60-х годах новых уголовных кодексов должны были квалифицироваться по статьям об ответственности за умышленное убийство без смягчающих и

отягчающих обстоятельств. Например, в УК РСФСР 1960 года такое обстоятельство, как совершение убийства лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом (детоубийство в УК РСФСР 1926 г. оценивалось с учетом именно этого квалифицирующего признака), не было предусмотрено. В связи с этим судебно-следственная практика вынуждена была квалифицировать случаи детоубийства по ст. 103 УК РСФСР 1960 года» [6].

Как следствие, в рассмотренный период сложилось ничем не оправданное расхождение в оценке степени общественной опасности детоубийства в уголовном законодательстве союзных республик.

«Такая ситуация противоречила требованиям Конституции СССР, которая не допускала существенных различий в законодательных актах союзных республик, не оправданных национальными особенностями, а также спецификой социальной, культурной и экономической жизни. Совершенно правильно отмечалось в литературе, что в уголовном законодательстве союзных республик имеется достаточное количество различий, которые «в подавляющем большинстве случаев не могут быть объяснены необходимостью различного регулирования, не всегда оправданы и иногда приводят к осложнению в практике применения законодательства». Такое резкое расхождение в наказании за одно и то же преступление на территории республик в рамках единого государства ставило в зависимость правовое положение граждан от такого обстоятельства, как место совершения преступления» [68, с. 64].

После распада Советского Союза началось активное реформирование уголовного законодательства уже суверенных государств. В каждом из них были приняты новые уголовные кодексы. Однако в настоящее время различия в оценке общественной опасности детоубийства сохраняются.

Постсоветский период развития уголовного законодательства России происходил в условиях кардинальных социально-экономических преобразований и формирования основ правового государства. Конституция Российской Федерации в ст.2 закрепила, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, важнейшей из которых является жизнь человека.

Такие кардинальные нормативные изменения вызвали необходимость комплексной реконструкции всей системы норм уголовного законодательства.

Реформа уголовного права России началась с разработки и принятия концепции уголовного законодательства Российской Федерации. Дальнейшее реформирование уголовного законодательства России проходило в соответствии с приоритетом прав и свобод личности.

«Впервые установить ответственность за детоубийство в качестве привилегированного преступления предлагалось в Проекте УК РФ, опубликованном 19 октября 1992 года. Проект был подготовлен учеными и практиками при Министерстве юстиции РФ. В качестве смягчающего обстоятельства в предложенной статье назывался кратковременный промежуток «во время родов или непосредственно после них». За убийство матерью новорожденного ребенка в ст. 105 Проекта предусматривалось наказание в виде

исправительных работ на срок до двух лет или ограничение свободы на срок до трех лет либо лишение свободы на срок до четырех лет. Обосновывалось выделение детоубийства в специальный состав преступления более снисходительным отношением судебной практики и доктрины к этому виду убийства» [56, с. 42].

Разработчики другого проекта УК, представленного на рассмотрение в январе 1995 года, не включили в систему привилегированных убийств убийство матерью новорожденного ребенка. Ответственность за детоубийство должна была наступать на общих основаниях.

УК РФ 1996 года предусмотрел детоубийство в качестве самостоятельного, привилегированного состава преступления. По сравнению с проектом УК 1992 года редакция ст. 106 претерпела существенные изменения. Наряду с таким обязательным смягчающим условием, как время совершения убийства новорожденного – «во время или сразу же после родов», законодатель выделил еще два – психотравмирующую ситуацию, в условиях которой мать могла совершить убийство новорожденного ребенка, и психическое расстройство матери, не исключающее вменяемости. Таким образом, законодатель расширил круг смягчающих обстоятельств.

В целом же включение в Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. специальной нормы о детоубийстве явилось новым этапом в дифференциации ответственности за убийство.

Выводы по разделу 1

Таким образом, можно сделать вывод о том, что особенностью развития советского уголовного законодательства об ответственности за детоубийство является то, что оно развивалось в отрыве от общемировых тенденций в уголовно-правовой оценке этого посягательства. Убийство матерью новорожденного ребенка в Советском государстве долгое время расценивалось как пережиток буржуазного общества и каралось достаточно сурово. В то же время правоприменительная практика относилась всегда более снисходительно к таким убийствам. Противоречия между действовавшим законодательством и судебно-следственной практикой послужили причиной изменений в уголовные законы ряда союзных республик СССР в период реформирования уголовного законодательства в 1956-1961 гг. В большинстве союзных республик были введены специальные нормы о детоубийстве, рассматривающие его как привилегированное преступление.

Действующий УК РФ относит убийство матерью новорожденного ребенка к числу убийств со смягчающими обстоятельствами.

2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕТОУБИЙСТВА

2.1. Уголовно-правовая характеристика детоубийства

В литературе широко используется понятие «детоубийства». Однако следует помнить, что данное понятие имеет широкое и узкое значение. В широком смысле под детоубийством, исходя из его буквального толкования, следует понимать умышленное лишение жизни ребенка, совершенное любым взрослым, то есть достигшим возраста уголовной ответственности человеком. Так, по мнению И.С. Федотова, потерпевшим в данном случае может быть ребенок, не достигший 14-ти лет, а субъектом такого убийства могут выступать только члены семьи или другие родственники. В то же время следует помнить, что согласно ст.1 Конвенции о правах ребенка ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия.

«В узком смысле детоубийство означает убийство матерью новорожденного ребенка при наличии смягчающих обстоятельств. В уголовном праве и в судебной медицине этот термин принято понимать именно в узком значении» [32].

«Дифференцируя ответственность за убийство, законодатель относит убийство матерью новорожденного ребенка во время родов или сразу же после родов, а равно в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, к привилегированным видам убийства наряду с убийством в состоянии аффекта, при превышении мер необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление» [16].

«В то же время детоубийство может быть совершено любым лицом при отсутствии обстоятельств, указанных в ст. 106 УК РФ. Поэтому убийство новорожденного ребенка матерью охватывается понятием детоубийства, но самостоятельное значение приобретает при наличии особых, указанных в диспозиции ст. 106 УК РФ, обстоятельств. Здесь следует отметить, что ответственность за детоубийство возможна и на общих основаниях (по п. «в» ч.2 ст. 105 УК РФ)» [16].

Как показывает сопоставительный анализ ст.ст. 105, 106 УК РФ, убийство матерью новорожденного ребенка можно определить как общественно опасное, противоправное умышленное причинение смерти новорожденному ребенку во время или сразу же после родов, а равно в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Итак, привилегированным этот вид убийства может быть лишь при наличии специально указанных в законе обстоятельств. Ст. 106 УК РФ предусматривает

четыре таких обстоятельства: Первое – это убийство новорожденного ребенка во время родов; Второе – убийство новорожденного ребенка сразу же после родов; Третье – убийство новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации; Четвертое – убийство в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

«Конструкция данного состава преступления оценивается специалистами неоднозначно. Некоторые авторы считают, что ст. 106 УК РФ предусматривает три подвида или три ситуации убийства новорожденного ребенка» [37, с. 238]. Однако если быть более точным и исходить из теоретических положений уголовного права, то скорее законодатель предусмотрел четыре альтернативных обстоятельства, обуславливающих снижение наказания за убийство матерью своего новорожденного ребенка. Наличие хотя бы одного из них в случае убийства матерью своего новорожденного ребенка требует квалификации именно по ст. 106 УК РФ.

«В то же время эти обстоятельства нельзя отнести лишь к признакам объективной стороны, как полагают некоторые авторы. И если такие признаки, как характеризующие убийство «во время или сразу же после родов» и «в условиях психотравмирующей ситуации», безусловно, отражают специфику объективной стороны детоубийства, указывая на время и обстановку совершения преступления, то «психическое состояние матери-детоубийцы, не исключающее вменяемость», несомненно, признак субъекта преступления. В остальном рассматриваемое преступление по своим объективным и субъективным элементам состава ничем не отличается от общей нормы, предусматривающей ответственность за простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ). И при оценке признаков состава детоубийства следует ориентироваться на общие положения об ответственности за убийство» [67, с. 12].

Неотъемлемым элементом каждого предусмотренного в уголовном законе состава преступления является объект преступления. Любое деяние может быть признано преступлением только в том случае, если оно причиняет или способно причинить вред какой-либо социально значимой ценности, интересу, благу.

Следуя положениям Конституции РФ, в соответствии с которыми человек, его права и свободы признаются высшей ценностью, в качестве важнейших объектов уголовно-правовой охраны ст.2 УК РФ называет, прежде всего, права и свободы человека и гражданина. Соответственно этому принципу строится и Особенная часть УК РФ, которая начинается с блока норм, предусматривающих ответственность за преступления против личности. Посягательства на жизнь, в частности убийства, особо выделяются и открывают раздел VII (и первый в Особенной части) УК РФ.

«Необходимо отметить, что в отечественной уголовно-правовой доктрине вплоть до середины 90-х годов доминировала позиция, согласно которой объект преступления есть общественные отношения. Эта позиция сохраняет свою значимость и в настоящее время. Ее поддерживает большинство российских ученых» [81, с. 71] . «В соответствии с ней объектами преступлений против

личности выступают общественные отношения, которые складываются в процессе охраны различных прав личности. В свою очередь объектом убийства должны выступать общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни граждан» [37].

«Однако в настоящее время обозначилась тенденция к иной, отличной от традиционной, оценке объекта преступления. И хотя в определении объекта преступления она не содержит принципиально новых взглядов на понятие объекта, поскольку основывается на дореволюционной теории объекта как правового блага, все же представляется более предпочтительной» [16, с. 15]. «Справедливым в связи с этим является мнение А.В. Наумова, который исходит из того, что теория объекта преступления как общественных отношений, охраняемых уголовным законом, не может быть признана универсальной» [60, с. 17].

«Российское уголовное право различает виды объектов преступления по «вертикали», которые соотносятся между собой подобно философским категориям «общее», «особенное» и «единичное». Общий объект – это целое, на какую-либо часть которого посягает каждое преступление. Общий объект представлен в ст.2 УК РФ совокупностью прав и свобод человека и гражданина, собственностью, общественным порядком и общественной безопасностью, окружающей средой, конституционным строем РФ, миром и безопасностью человечества, то есть всей системой социальных ценностей» [48, с. 201] . При непосредственном посягательстве на один из объектов этой совокупности опосредованно деформируется вся совокупность охраняемых уголовным законом объектов. Убийство, и в частности детоубийство, причиняя невосполнимый вред личности, тем самым посягает на общий объект уголовно-правовой охраны.

Частью общего объекта является родовый объект, который образует группу однородных благ (интересов). Родовым объектом детоубийства выступает личность, как носитель многих правовых благ, интересов (жизни, здоровья, достоинства, чести и т.д.). Вопрос о содержании понятия личность принципиально важный, поскольку требует выяснения соотношения понятий «личность» и «человек» применительно к составу ст. 106 УК РФ. «Следует отметить, что в научной литературе по данному вопросу нет единодушия. Указывается, что «человек» – более широкое понятие, в которое входят все живые существа человеческого рода, тогда как понятие «личность» не включает в себя новорожденных, малолетних, невменяемых и т. д.» [53, с. 74] «По мнению А.Н. Красикова, личностью в праве может считаться не всякий человек, а лишь тот, кто способен владеть, распоряжаться полученными при рождении правами и свободами, а также самостоятельно исполнять установленные государством обязанности» [40, с. 5].

«На взгляд автора, такое разграничение понятий личность и человек не совсем верно. Очевидно, что уголовный закон защищает не только тех лиц, которые уже сформировались как личность и в состоянии самостоятельно осуществлять свои

права и свободы и выполнять обязанности. Прежде всего, это относится к жизни и здоровью любого человека» [40].

Жизнь и здоровье являются неотъемлемыми и неотчуждаемыми. Уже в процессе рождения человек приобретает определенные социальные свойства, становится правоспособным. Эти свойства сохраняются у человека на протяжении всей жизни. При этом право на жизнь является фундаментальным правом каждого человека и вытекает из биологической природы человека.

Поэтому, называя личность в качестве объекта уголовно-правовой охраны, закон тем самым охраняет человека как особую социально-биологическую целостность.

Выделение в рамках одного раздела VII Уголовного кодекса пяти глав направлено на ограничение сходных, близких по своей сущности социальных благ, которые являются хотя и однородными, однопорядковыми ценностями, но имеют и свои особенности, отражающие различные свойства личности. Такая более подробная структуризация норм Особенной части позволяет установить видовой объект убийств, который объединяет преступления одной направленности, посягающие на такие психофизиологические свойства, как жизнь и здоровье человека.

«Что касается непосредственного объекта преступления, то это то, на что непосредственно направлено конкретное посягательство. При совершении убийства таковым выступает жизнь другого человека. В уголовно-правовой литературе встречаются различные точки зрения на то, что следует считать непосредственным объектом убийства. Некоторые авторы утверждают, что таковым выступает право на жизнь» [38, с. 31]. Другие ученые полагают, что непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, является жизнь новорожденного ребенка. Последняя позиция представляется предпочтительнее, хотя и требует дополнительных разъяснений.

В правовом понимании жизнь – это физическое существование, заканчивающееся смертью человека. Как биологическое явление, жизнь человека имеет определенные границы, связанные с возникновением и прекращением этой объективной реальности. С точки зрения уголовного права и применительно к теме детоубийства первостепенное и практическое значение приобретает не столько вопрос о сущности понятия «жизнь человека» и ее начале, сколько вопрос о начале ее уголовно-правовой охраны. Решение этого вопроса дает возможность разграничивать детоубийство и аборт.

В теории уголовного права и судебной практике сложилось представление, согласно которому начальный момент жизни человека совпадает с моментом начала его уголовно-правовой охраны. Разногласия во взглядах ученых и практиков относятся лишь к точке отчета, с какой следует считать жизнь человека начавшейся.

«Так, А.И. Рарог связывает начало жизни человека с началом дыхания и с моментом отделения пуповины» [35, с. 185]. «Отождествляя начало уголовно-правовой охраны жизни человека с начальным моментом жизни ребенка,

Б.В. Здравомыслов связывает последний с первым криком новорожденного, что, по его мнению, свидетельствует о начале самостоятельного дыхания и сердцебиения» [80, с. 20] . Рассмотренные положения о начальном моменте жизни представляются довольно противоречивыми.

Действительно, медицинская наука утверждает, что, как правило, дыхание у новорожденного ребенка появляется в тот момент, когда закончилось прохождение его по родовым путям матери, т.е. фактически в момент полного отделения от материнского организма. Однако медицинской практике известны случаи, когда между моментом прорезывания головки ребенка и моментом полного высвобождения из материнского чрева проходит некоторый промежуток времени (хотя и кратковременный). В этот момент дыхание у ребенка еще отсутствует. Посягательство на ребенка в этот момент нельзя расценивать как посягательство на плод, то есть аборт.

Еще Н.С. Таганцев обращал внимание на то обстоятельство, что ребенок недышавший мог быть жив, сердце его могло биться, кровь могла обращаться по его телу, он мог двигаться, мог даже издавать слабые звуки.

Более аргументированной представляется позиция большинства ученых, согласно которой моментом начала жизни ребенка следует считать начало физиологических родов. «Именно этот момент (начало физиологических родов), по мнению А.Н. Попова, свидетельствует о том, что плод достаточно созрел и приобрел необходимые качества для самостоятельной внеутробной жизни. Ученый также указывает на тот факт, что сознание лица, воздействующего на рождающегося ребенка, содержит представление не о внутриутробном плоде, не о прерывании беременности, а охватывает такие действия, как уничтожение живого ребенка» [67, с. 37].

«По мнению А.Н. Красикова, «начальным моментом жизни человека считается момент, когда констатируется полное изгнание или извлечение продукта зачатия из организма беременной, то есть когда плод отделился от матки роженицы без пуповины, которая не перерезана, и у плода имеется дыхание или сердцебиение, пульсация пуповины либо произвольные движения мускулатуры» [38, с. 19] .

Обозначенные выше позиции, тем не менее, не позволяют установить, с какого момента начинается уголовно-правовая охрана жизни человека. На взгляд автора, начало жизни человека и начальный момент уголовно-правовой охраны жизни различны и не совпадают во времени, хотя в юридической науке они зачастую отождествляются.

Так, современная медицина рассматривает жизнь человека в двух поэтапных ее проявлениях. Жизнь нового человеческого организма возникает с момента зачатия (оплодотворения) и представляет собой первый внутриутробный этап развития человеческой жизни. На этом этапе жизнь человеческого организма характеризуется относительной автономностью своего существования от организма матери. Однако полную самостоятельность плод, а точнее, ребенок приобретает, когда освобождается от плацентарного дыхания и начинает дышать легкими с момента полного отделения от матки матери (перерезания пуповины).

Констатация живорожденности свидетельствует о том, что начался второй внеутробный этап жизни человека, для которого характерно существование вне зависимости от организма матери.

Однако уголовно-правовая охрана жизни человека начинается раньше и не совпадает ни с одним из вышеописанных этапов. УК РФ в ст. 106 установил, что жизнь человека охраняется уже «во время родов», закрепив тем самым начальный момент уголовно-правовой охраны жизни человека, не совпадающий с внеутробным началом человеческой жизни. Кроме того, начальный момент уголовно-правовой охраны человеческой жизни не совпадает и с положениями других отраслей права, в частности гражданского.

«В соответствии с ч.2 ст. 17 ГК РФ правоспособность гражданина возникает в момент его рождения. Сам же момент рождения связывают с медицинскими критериями живорожденности ребенка» [4].

Итак, зафиксированный в диспозиции статьи 106 УК РФ признак «во время родов», имеет, несомненно, позитивное значение, поскольку установленный в норме начальный момент уголовно-правовой охраны жизни человека распространяется и на ст. 105 УК РФ, определяющую ответственность за простое и квалифицированное убийство. Уголовно-правовая охрана жизни человека начинается уже в процессе рождения. Вопрос заключается лишь в том, с какого момента (периода) физиологических родов начинается охрана жизни рождающегося человека. В современной медицине роды рассматриваются как сложный физиологический процесс изгнания плода через естественные родовые пути, включающий несколько периодов. Кроме того, различают роды преждевременные, своевременные и запоздалые.

«В клиническом течении родов различают три периода. Первый период родов называется периодом раскрытия и связан с началом родовой деятельности, сопровождается родовыми схватками» [41, с. 103].

Второй период родов – период изгнания – начинается с момента полного раскрытия маточного зева и заканчивается рождением плода. В свою очередь, этот период делится на несколько этапов – взрезывание и прорезывание головки, рождение головки, рождение плечиков, рождение всего плода. Спустя 2-3 минуты после рождения плода, когда пуповина перестает пульсировать, ее перерезают и ребенок полностью отделяется от матери. Этот период родов связан с фактическим рождением ребенка и соответствует научной позиции о начале уголовно-правовой охраны жизни, преобладающей в отечественной теории уголовного права.

Третий период родов – последовый – начинается с момента рождения и завершается рождением последа (плаценты, плодных оболочек и пуповины).

Таким образом, «очевидно, что роды являются более длительным процессом, который по своей продолжительности не совпадает с процессом рождения ребенка. Поэтому об уголовно-правовой охране жизни ребенка, которая начинается, как указано в законе «во время родов», можно говорить только тогда, когда начался определенный период родового процесса» [52].

В связи с этим можно сделать вывод, что непосредственным объектом рассматриваемого состава преступления выступает жизнь ребенка во время его рождения и сразу же после родов.

Следующий конструктивный признак состава ст. 106 УК РФ характеризует специфические признаки потерпевшего. Речь идет о новорожденном. "В научной литературе при толковании ст.106 УК РФ, как правило, опираются на медицинское определение понятия новорожденного. На самом деле в медицинской науке не выработано единых критериев признания ребенка новорожденным. В педиатрии новорожденным признается младенец с момента констатации живорожденности до месячного возраста, в течение которого происходит привычное приспособление его к условиям внешней среды. В акушерстве период новорожденности начинается с первого вдоха или крика после полного своего рождения, т.е. в конечный момент периода изгнания или в начальный момент последового периода и равен одной неделе» [41, с. 108].

«В судебной медицине, которая наиболее приближена к нуждам уголовно-правовой практики, период новорожденности равен одним суткам. При этом обязательным качественным критерием новорожденности ребенка в судебной медицине является его жизнеспособность. Жизнеспособным медицина признает новорожденного ребенка, способного продолжить жизнь вне материнского организма. Чтобы плод был жизнеспособным, он должен достигнуть известной степени зрелости и не иметь уродств, не совместимых с жизнью» [74, с. 71].

Неоднозначность в определении временных рамок такого периода в различных направлениях медицинской науки, может вызвать трудности в применении этой нормы, повлечь неверную квалификацию.

«Были высказаны предложения по использованию этих критериев в зависимости от особенностей объективной стороны и видов рассматриваемого деяния. Так, по мнению О. Погодина, А. Тайбакова, в случае убийства ребенка во время или сразу же после родов для определения периода новорожденности должен использоваться судебно-медицинский критерий, в остальных случаях должен использоваться педиатрический критерий» [65, с. 30]. «Однако такая позиция нормативно не подтверждена. Неверной представляется и позиция С.В. Бородина, который считает, что устанавливать промежуток времени, когда ребенок считается новорожденным, необходимо в каждом конкретном случае» [74, с. 71].

«Более предпочтительной представляется позиция О.В. Лукичева, по мнению которого новорожденным должен признаваться ребенок, если какая-либо часть его тела появилась из утробы матери в процессе физиологических родов и до прекращения особого психофизического состояния матери, вызванного родами» [50, с. 18].

Детоубийство, как и любое другое убийство, является преступлением с материальным составом, то есть признается оконченным с момента наступления смерти новорожденного ребенка. Поэтому его объективная сторона складывается из

общественно опасного действия или бездействия, направленных на причинение смерти ребенку, общественно опасного последствия в виде смерти и причинной связи между ними.

«В зависимости от формы совершения посягательства различают активное и пассивное детоубийство. Причинение смерти новорожденному ребенку при детоубийстве путем действия, то есть путем активного поведения, является наиболее распространенным видом этого общественно опасного деяния» [34]. «Наиболее часто посягательство на жизнь новорожденного совершается путем удушения, утопления, нанесения ударов в жизненно важные части тела ребенка, помещения ребенка в условия, не совместимые для него с жизнью (оставление на морозе и т.д.)» [34].

«Впервые обобщение способов убийств новорожденного ребенка было осуществлено Л.И. Тиминой» [77]. «Так, к первой группе автор относит такие способы, как удушение ребенка руками (11 %), сжатие ног при высвобождении ребенка из материнской утробы (2 %), удар ребенка по голове. Ко второй группе относятся такие способы убийства, как закрытие дыхательных путей мягкими предметами (22 %) и сдавливание шеи петлей (10 %). Третья группа способов детоубийства включает утопление ребенка в воде (14 %), в фекальных массах (8 %), введение в верхние дыхательные пути инородных тел и др.» [77, с. 81]

Особенности психофизического состояния новорожденного ребенка исключают возможность причинения ему смерти путем психического насилия. Психика новорожденного ребенка не способна воспринимать воздействие другого лица, если оно совершается с целью подавления и подчинения его воли.

Следует отметить, что этиология (природа) механических повреждений, ставших причиной смерти новорожденного ребенка, может быть различной. Поэтому является обязательным проведение судебно-медицинского исследования в каждом случае обнаружения трупа новорожденного ребенка. Поскольку причиной смерти новорожденного может стать родовая травма, внутриутробная патология плода, несовместимая с жизнью вне организма матери и т.д.

Определенную трудность представляют случаи, когда судебно-медицинское исследование не может сделать вывод о причине смерти.

«Так, подозреваемая в убийстве своего новорожденного ребенка З. показала, что 14 мая 2008 года она у себя дома родила ребенка, которого затем вынесла во двор, где закопала. При рождении ребенок, как заявила З., дышал, но не шевелился. При вскрытии грунта в месте, указанном З., был обнаружен сверток, в котором находился труп младенца женского пола. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, к моменту исследования труп новорожденного младенца женского пола находился в стадии резко выраженных гнилостных изменений, в связи с чем установить причину его смерти и решить вопрос живорожденности или мертворожденности ребенка не представилось возможным. Уголовное дело было прекращено за недоказанностью вины» [89, с. 39 – 44].

«Вторым видом противоправного общественно опасного поведения при детоубийстве является бездействие. В отличие от действия бездействие

представляет собой пассивное поведение, заключающееся в несовершении лицом таких действий, которые оно по определенным основаниям должно было и могло совершить в конкретных условиях» [76, с. 53]. Основанием уголовной ответственности за преступное бездействие является наличие обязанности и возможности действовать определенным образом. «Обязанность заботиться о физическом, духовном, нравственном развитии ребенка включает, согласно ст.63 СК РФ, в том числе и заботу о жизни и здоровье ребенка и возникает в процессе рождения ребенка». В этот период новорожденный ребенок нуждается в особой заботе и внимании, прежде всего со стороны матери, поскольку в этом возрасте его жизнь и здоровье максимально зависимы от практически любых внешних факторов. Детоубийство в форме бездействия может состоять, например, в неперевязывании пуповины только что родившемуся ребенку, в непредоставлении пищи новорожденному ребенку, в несовершении действий, направленных на очищение рта ребенка от слизи и крови; в неосвобождении ребенка от яичевых оболочек, если он находился в них и т. д.

«Довольно часто встречается такой способ бездействия, как оставление матерью только что родившегося ребенка на месте родов, в результате чего смерть наступает при обычной температуре. Так, С. у себя дома в саду родила живого, доношенного, жизнеспособного ребенка. При родах присутствовал ее сожитель В., который помог ей обмыть ребенка, завернул его в одеяло и уложил в кровать. Дальнейших действий по уходу за ребенком со стороны С. предпринято не было. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть новорожденного ребенка наступила от оставления ребенка без присмотра» [83, с. 31].

«Трудности при оценке формы совершаемого деяния при детоубийстве влияют и на установление еще одного не менее важного признака объективной стороны. Таковым, применительно ко всем материальным составам, выступает причинная связь между действием (бездействием), причиняющим смерть новорожденному, и наступившими последствиями в виде смерти» [67, с. 47].

При определении причинной связи по делам об убийстве матерью новорожденного ребенка, безусловно, следует руководствоваться как общими положениями теории причинной связи в уголовном праве, так и принимать во внимание специфику преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ.

Учитывая общие правила установления причинной связи применительно к составу детоубийства, можно констатировать следующее. Причинная связь, как явление объективное, существующее вне зависимости от человеческого сознания, устанавливается между наступлением смерти и не только непосредственными телодвижениями преступника, но и действиями различных механизмов, стихийных сил природы, животных и т.п., которые могут быть использованы убийцей для причинения смерти. Действия субъекта признаются причиной смерти только в том случае, если они явились необходимым для лишения жизни потерпевшего условием, при отсутствии которого смерть не могла бы наступить. Чаще всего такими необходимыми условиями выступают активные действия

матери, направленные на причинение смерти ребенку и выражающиеся в физическом воздействии на тело ребенка. Таким условием может выступать и пассивное поведение матери по отношению к своему ребенку, выражающееся в несовершении каких-либо действий, входящих в круг ее обязанностей по обеспечению жизни ребенка. Суть в том, что именно поведение матери (в том числе, и при бездействии) должно породить условия, необходимые для наступления смерти. Сам механизм установления причинной связи между поведением виновного и наступлением смерти, в соответствии с общими правилами, заключается в вычленении исследуемого акта (действия или бездействия) из цепи условий, способных породить определенное последствие (в нашем случае, смерть новорожденного ребенка). И если события будут развиваться так, как они и развивались, значит, это деяние не являлось необходимым условием наступления последствий, в данном случае смерти. Таким образом, причиной смерти новорожденного ребенка могут быть только такие действия или бездействие, которые с внутренней необходимостью порождают общественно опасное последствие в виде смерти. «Все остальные условия, которые могут выражаться в действии либо бездействии виновной остаются таковыми, представляя собой такие явления, которые сами по себе не могут непосредственно породить другое явление (следствие), но, сопутствуя причинам и влияя на них, обеспечивают определенное их развитие. Такими условиями могут выступать неквалифицированные действия медицинских работников, оказывающих медицинскую помощь ребенку, родовая травма, болезнь ребенка, вызванная внутриутробными патологиями и т. д.» [47, с. 118].

Ответственность за детоубийство исключается лишь при отсутствии причинной связи, когда последствия в виде смерти новорожденного ребенка не являются результатом внутреннего развития деяния и отсутствует вина. Судебная практика встречается со случайно наступившими последствиями в виде смерти новорожденного ребенка.

Общественно опасным последствием в данном преступлении выступает смерть новорожденного ребенка. Убийство следует считать оконченным, если наступила биологическая смерть. Если в результате посягательства новорожденный ребенок оказался лишь в состоянии клинической смерти и был спасен, то в этих случаях имеет место покушение на убийство.

«Так, Б. в кухне своей квартиры самостоятельно родила доношенного, жизнеспособного и живорожденного ребенка, после чего завернула его во фрагмент старого пододеяльника, положила в полиэтиленовый пакет. Взяв пакет, она вышла из квартиры и отнесла пакет с новорожденным ребенком в общественный туалет, где выбросила в отверстие для испражнений. Пакет с ребенком упал в яму с фекальными массами. Выполнив все действия, которые Б. посчитала нужными и необходимыми для наступления смерти своего новорожденного ребенка и будучи убежденной, в том, что ребенок умрет, Б. вернулась в квартиру и легла спать. Брошенный в яму общественного туалета новорожденный ребенок в тот же день был обнаружен и извлечен из ямы в

тяжелом состоянии. Ребенок был доставлен в больницу, где ему была оказана медицинская помощь, и в результате он остался жив» [50, с. 118].

Уголовно-наказуемым является посягательство на труп новорожденного, ошибочно принятого за живого. В этом случае по правилам о фактической ошибке уголовная ответственность наступает не за убийство, а за покушение на него.

Одним из обязательных альтернативных признаков объективной стороны детоубийства является время совершения убийства новорожденного ребенка. Речь идет о промежутке «во время или сразу же после родов». По смыслу закона, убийство матерью своего новорожденного ребенка в этот временной промежуток является достаточным основанием для отнесения этого преступления к числу привилегированных.

Во время родов смерть может быть причинена только путем непосредственного воздействия на какую-либо часть тела появляющегося из утробы матери ребенка. Классическим является пример, часто приводимый в уголовно-правовой литературе, когда удары наносятся в голову рождающемуся ребенку.

Вторым смягчающим обстоятельством, характеризующим время совершения преступления, применительно к ст. 106 УК РФ, является период «сразу же после родов».

«В юридической литературе сложилось практически единодушное мнение на то, что время «сразу же после родов» представляет собой относительно непродолжительный промежуток времени и либо совпадает с судебно-медицинским определением новорожденности, то есть равен одним суткам, либо ограничен послеродовым периодом до тех пор, пока не предприняты меры к сохранению жизни ребенка (отделена или перевязана пуповина, ребенок обмыт, накормлен и т.д.)» [82, с. 218].

В соответствии с доктриной и требованиями уголовного закона (ст. 19, 20 УК РФ) субъектом всякого преступления признается вменяемое физическое лицо, достигшее определенного возраста, виновно совершившее запрещенное законом общественно опасное деяние. Поэтому уголовно-правовое значение имеют, в первую очередь, такие качества физического лица, как возраст и вменяемость. Субъектом рассматриваемого состава убийства может быть только мать новорожденного ребенка. Таким образом, законодатель наряду с общими признаками субъекта уголовной ответственности устанавливает применительно к ст. 106 УК РФ дополнительный обязательный признак, характеризующий исполнителя данного деяния. В теории уголовного права лицо, обладающее дополнительными признаками, предусмотренными соответствующей уголовно-правовой нормой, принято называть «специальным субъектом».

«Ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка наступает по достижении общего возраста уголовной ответственности с 16 лет (ч. 1 ст. 20 УК РФ). В то же время уголовная ответственность за простое и квалифицированное убийство может наступать по достижении субъектом возраста 14 лет.

Предполагается, что в этом возрасте каждый индивид способен сознавать как фактические, так и социальные свойства деяний, направленных на причинение смерти другому человеку. Поэтому повышение возраста уголовной ответственности до общего возраста (16-ти лет) является следствием общего смягчения мер уголовной репрессии за детоубийство. В соответствии с прямым указанием закона шестнадцатилетний возраст субъекта детоубийства является здесь обязательным признаком состава, а не только одним из оснований уголовной ответственности. Недостижение матерью этого возрастного порога не образует конкуренцию уголовно-правовых норм, как полагают некоторые авторы» [55, с. 218] , а полностью исключает уголовную ответственность. Очевидно, что за совершение аналогичных деяний несовершеннолетние не могут подвергаться более строгим мерам ответственности, нежели взрослые. «Следует согласиться в этой связи с В.Ф. Щепельковым, который полагает, что подобные пробелы законодательной техники должны преодолеваются путем применения системосохраняющих механизмов законодательства, таких как принципы уголовного закона, презумции и др. Автор предлагает дополнить ст.20 УК РФ соответствующей оговоркой, способной ограничить действие общей нормы в отношении привилегированных деяний» [87, с. 60].

«В то же время несовершеннолетние матери, в том числе 14-15 летнего возраста, могут являться одними из наиболее криминально опасных в этом отношении. Именно в этом возрасте подростки опасаются огласки внебрачной беременности, стремятся скрыть беременность и роды, именно у них отсутствуют необходимые знания о возможностях легального прерывания беременности либо праве поместить внебрачного или нежеланного ребенка в специальное учреждение» [78].

Необходимым условием уголовной ответственности является вменяемость матери, совершившей убийство своего новорожденного ребенка. Привлекая женщину к уголовной ответственности за причинение смерти своему новорожденному ребенку, необходимо обращать внимание на ее психическое здоровье.

«Некоторые авторы полагают, что в ст. 106 УК РФ заложена неопровержимая презумпция особого психического состояния роженицы, не требующая дополнительного законодательного обоснования. В любом случае убийство матерью своего новорожденного ребенка во время или сразу же после родов относится к привилегированному составу и исключает квалификацию на общих основаниях» [44, с. 17].

Сходную по своему содержанию позицию занимают другие авторы. Обосновывая привилегированный характер детоубийства, эти авторы указывают на особое психофизическое состояние, которое наблюдается у женщины в этот период. «По мнению А.Н. Красикова, женщина в период физиологических родов испытывает особо болезненные психофизические страдания, и поэтому такое убийство признается привилегированным» [38, с. 81].

Надо отметить, что в юридической литературе высказывались и другие предложения о том, как именовать состояние, в котором пребывает женщина-роженица в момент родов, например, «душевное потрясение», «нарушение душевного равновесия», «особенное возбуждение». Получивший наиболее широкое распространение в современной юридической литературе термин, характеризующий состояние женщины во время родов и послеродовой период - «особое психофизическое состояние» - впервые был предложен Л.И. Тиминой. По ее мнению, указанный термин «во-первых, подчеркивает, что изменения коснулись одновременно двух сфер человеческого организма: физиологической и психической, во-вторых, что эти сферы в своем изменении взаимосвязаны и взаимообусловлены и, в - третьих, что такое психофизическое состояние является особым, поскольку в обычных ситуациях не существует».

Безусловно, в период родов и после них роженица может испытывать сильные психофизические страдания, которые способны повлиять на характер и адекватность ее поведения. Однако расценивать роды как в целом патологический процесс и «катастрофу» для женщины, как это делают отдельные авторы, вряд ли возможно.

Помимо значительной физической боли, беременность и роды могут оказывать воздействие и на психику женщины. У большинства беременных женщин, особенно во второй половине срока, происходят характерные психологические изменения, связанные с динамикой физиологических процессов, происходящих в организме. Смена гормонального фона, повышение уровня прогестерона и спад уровня эстрогена ведет к понижению общего иммунитета и эмоционального состояния будущей матери. Они становятся более обидчивыми и раздражительными, часто плачут. Отмечаются резкие перепады настроения, меняются вкусы и желания. Женщина принимает решения импульсивно, способность трезво мыслить у нее явно снижается.

Вторым трудным этапом для психики женщины являются сами роды. И хотя роды являются естественным процессом, медицина относит родовые боли к одним из самых сильных физических страданий.

«Ф. Сафуанов различает четыре вида психических состояний матери, совершившей убийство новорожденного ребенка. Первый вид – это психические расстройства, обуславливающие неспособность обвиняемой осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, вызванные болезненными расстройствами психики. В данном случае речь может идти о невменяемости женщины. В этом случае ответственность вообще исключается» [71, с. 29]. «Второй вид – это психические расстройства, не исключющие вменяемости обвиняемой. Наличие таких расстройств у матери, убившей или покушавшейся на убийство своего новорожденного, и вызвавших нарушения способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, требует квалификации в соответствии с другим признаком, зафиксированным в ст. 106 УК РФ. Третий вид психических состояний связан с эмоциональной

напряженностью, возникновение и развитие которой обусловлено психотравмирующей ситуацией. Но и это обстоятельство законодатель использует как самостоятельное смягчающее условие. И, наконец, четвертый вид психического состояния, свойственный женщинам, совершившим такое преступление, характеризуется отсутствием эмоциональной напряженности и не обнаруживает каких-либо психических расстройств или нарушений сознания» [71, с. 29].

«В судебной практике встречаются случаи, когда посяательства на жизнь новорожденного ребенка совершались невменяемыми. У женщин с психическими расстройствами, обуславливающими неспособность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, чаще всего наблюдаются хронические заболевания психики. Как показывает психиатрическая экспертная практика, это больные с диагнозом шизофрения и органическими поражениями головного мозга с выраженными изменениями психики. У некоторых матерей развиваются временные психические расстройства, в основном – послеродовые психозы и реактивные состояния с депрессивно-параноидальным синдромом. К этой же группе относят и больных олигофренией с выраженной степенью дебилности» [67, с. 54].

Окончательное решение о вменяемости-невменяемости выносит суд, рассматривая заключение экспертизы как одно из доказательств. В целом же для признания лица, совершившего общественно опасное деяние невменяемым, требуется наличие одного из признаков юридического критерия в сочетании с одной из форм психического расстройства. Юридические последствия признания матери невменяемой могут выражаться в применении к ней принудительных мер медицинского характера (ст.ст. 97-99 УК РФ) с учетом степени общественной опасности лица.

«Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, является еще одним альтернативным смягчающим признаком, который характеризует мать новорожденного ребенка применительно к данной норме. В качестве уголовно-релевантных психических состояний, лежащих в основе ограниченной вменяемости, выступают хронические и временные психические расстройства, слабоумие, органические поражения головного мозга, олигофрения легкой и средней степени, иные болезненные состояния психики или психические аномалии» [59, с. 162]. При этом матери совершают убийства по бытовым мотивам, часто сопряженным с нарушением социальной адаптации. Однако эти обстоятельства не исключают их способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, но могут ее ограничивать.

Наряду с психическими расстройствами на характер преступного поведения могут оказывать влияние многочисленные факторы социально-психологического порядка, как-то: окружающая обстановка, конкретная ситуация и другие. Поэтому заложенный в ч.1 ст. 22 УК РФ принцип индивидуализации виновной ответственности вменяемого лица вследствие наличия у него психического

расстройства, «обуславливающего ограничение осознанности произвольности инкриминируемых ему действий, предполагает экспертную оценку имеющихся ограничений регуляции не только для дифференцирования ответственности субъекта преступления, но и для учета степени его общественной опасности».

Помимо общих признаков, субъект преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, наделен еще одним обязательным специальным признаком, что позволяет отнести рассматриваемое преступление к преступлениям со специальным субъектом.

«Субъектом привилегированного детоубийства может быть, как указано в законе, только мать новорожденного ребенка. Таким образом, в соответствии с общей теорией уголовного права этот признак характеризует взаимоотношения субъекта с потерпевшим или указывает на семейно-родственные отношения между преступником и потерпевшим» [48, с. 286]. «Как правильно указывает Б. Волженкин, действующее уголовное законодательство содержит единственный привилегированный состав с учетом особенностей специального субъекта преступления и того состояния, в котором этот субъект находился в момент преступления» [14, с. 14].

С принятием СК РФ законодательство пополнилось новыми субъектами семейных правоотношений за счет расширения субъектного состава участников таких отношений.

Так, в целях частичного решения проблемы бесплодия Семейный кодекс (ст. 51) допускает возможность существования некоторых методов репродуктивной деятельности, в том числе способа, при котором эмбрион переносится (имплантируется) в организм так называемой суррогатной матери в целях вынашивания и рождения ребенка с последующей передачей ребенка лицам, его ожидающим, т.е. так называемое суррогатное материнство. В связи с этим закон предоставляет право любой женщине детородного возраста прибегнуть к суррогатному материнству.

Основная проблема заключается в том, что помимо супругов либо одинокой женщины, не способной родить ребенка, появляется третий субъект, имеющий самостоятельные права, – суррогатная мать. При этом возможность возникновения родительских прав у супругов (одинокой женщины) поставлена в зависимость от воли суррогатной матери. Согласно нормам СК РФ лица, состоящие в браке и давшие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, после рождения ребенка могут быть записаны в качестве родителей в книге записей рождения только с согласия женщины, родившей ребенка (п. 4 ч.2 ст. 51 СК РФ). Возникает вопрос, является ли суррогатная мать матерью в уголовно-правовом смысле. Появление таких понятий, как «биологические родители», «суррогатная мать» и т.п., может существенно расширить возможности для применения ст. 106 УК РФ в отношении этих категорий лиц.

На мой взгляд, матерью, применительно к ст. 106 УК РФ, может выступать только женщина, выносившая и родившая своего ребенка, то есть являющаяся

матерью по факту рождения – родильница или роженица. Женщина, ставшая матерью по закону, а именно по факту удочерения и усыновления не может выступать субъектом привилегированного детоубийства, поскольку на нее не могут распространяться ретроспективные по своему содержанию обстоятельства, связанные с беременностью и родами и имеющие привилегированный характер. Женщина, усыновившая или удочерившая новорожденного ребенка и совершившая его убийство, несет ответственность на общих основаниях.

«Установление признаков субъективной стороны имеет важное значение, прежде всего, для квалификации убийства, позволяет правильно отграничивать убийства от других смежных преступлений. К субъективной стороне в теории уголовного права принято относить вину, мотив, цель, эмоции. В определении убийства указана форма вины – убийством признается только умышленное причинение смерти другому лицу. Являясь разновидностью убийства, детоубийство, предусмотренное ст. 106 УК РФ, характеризуется только умышленной формой вины» [47, с. 127].

«Уголовное законодательство разделяет умысел на прямой и косвенный. В уголовно-правовой литературе сложилось практически единодушное мнение о том, что убийство новорожденного может совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом» [67, с. 57]. Так, о совершенном с прямым умыслом детоубийстве свидетельствует то, что мать ребенка осознавала общественную опасность своих действий (бездействия), предвидела возможность или неизбежность наступления смерти новорожденного ребенка и желала ее наступления.

«Определяя интеллектуальное содержание умышленной вины, законодатель использует термины «осознание» и «предвидение». Осознание предполагает обязательное формирование собственного ценностного отношения к тем или иным явлениям или событиям и возникает, как считает С.Векленко, на фоне устоявшихся идеалов и признаваемых субъектом норм поведения» [12, с. 12].

Необходимость специального установления осознания общественной опасности своих действий (бездействия) имеет важное значение, поскольку влияет на объем и содержание уголовно-правовых последствий в случае совершения преступного деяния. Проблема состоит в том, что судебно-следственная практика сталкивается со случаями, когда матери, обвиняемые в убийстве своего новорожденного ребенка, поясняют, что, решаясь на преступление, вообще ни о чем не думали либо что мысль об общественной опасности такого деяния не приходила им в голову.

Причина такого отношения к детоубийству заключается в том, что социальная и моральная оценка отдельными лицами такой ценности, как жизнь новорожденного ребенка, существенно отличается от ее значимости для государства и общества в целом.

В отличие от прямого умысла, при косвенном умысле от виновного не требуется осознания неизбежности наступления того или иного результата, а также желания наступления этого результата. Поэтому о привилегированном

детоубийстве можно говорить, как о совершенном с косвенным умыслом, в случае, когда мать ребенка предвидела реальную возможность наступления его смерти, при этом смерти его не желала, но сознательно допускала наступление смерти либо относилась к ней безразлично. Основным критерием, позволяющим отграничить прямой умысел от косвенного является, как уже указывалось, вероятность предвидения, прогнозирования наступивших общественно опасных последствий, которая в первом случае выше. «Некоторые авторы считают, что о наличии косвенного умысла следует говорить лишь в том случае, когда роды оказали влияние на психику матери, в результате чего наступило психическое расстройство, не исключающее вменяемости, или сразу после родов сложилась психотравмирующая ситуация» [51, с. 39-40]. Убийство матерью новорожденного может быть совершено с косвенным умыслом в любом из трех законодательных вариантов, указанных в ст. 106 УК РФ, независимо от наличия психического расстройства у матери и сложившейся психотравмирующей ситуации. При этом женщина не желает смерти новорожденному ребенку, предвидит возможность ее наступления, либо сознательно допускает наступление гибели новорожденного, либо относится к ней безразлично.

Детоубийство с косвенным умыслом может иметь место, когда, например, мать с целью избавиться от ребенка оставляет его в местах, где обнаружение и спасение его маловероятно.

Если прямой, конкретизированный умысел не установлен и при этом женщина допускала или относилась безразлично к возможным последствиям в виде смерти ребенка, то ответственность наступает в зависимости от наступившего результата.

В теории и судебной практике различают умысел, заранее обдуманый и внезапно возникший. При этом считается, что заранее обдуманый умысел может возникнуть задолго до непосредственного совершения преступления, а внезапно возникший умысел формируется в ситуации совершения преступления в условиях конфликта и иных обстоятельствах, способствующих совершению преступления.

«Следует отметить, что некоторыми авторами заранее возникший умысел или предумышленность указывается в качестве отграничивающего критерия между ст. 106 УК РФ и ст. 105 УК РФ» [46, с. 25].

На мой взгляд, ст. 106 УК РФ предусматривает преступление с аффектированным умыслом, когда смерть причиняется под влиянием той или иной воздействующей на психику ситуации. Это могут быть роды либо иная психотравмирующая ситуация. В любом случае эти события должны относиться к моменту, когда ребенок уже существует и возникла возможность избавиться от него.

В числе имеющих значение для квалификации детоубийства обстоятельств, которые характеризуют субъективную сторону преступления, необходимо назвать мотив, цель, а также эмоциональное состояние лица в момент совершения преступления.

В психологической науке под мотивами понимаются факторы активности личности, движущая сила, лежащая в основе поведения человека. Мотивы присущи любой человеческой деятельности.

В уголовно-правовом смысле мотив – это обусловленные определенными потребностями и интересами внутренние побуждения, вызывающие у лица решимость совершить преступление. Некоторые авторы видят важность установления мотивации при анализе, в том числе интеллектуального и волевого компонентов вины. Несмотря на то, что законодатель в диспозиции ст. 106 УК РФ не указывает мотив, его установление имеет важное квалификационное значение. Важно помнить, что психическое отношение к общественно опасным действиям и их последствиям в виде смерти новорожденного, лежащее в основе уголовно-правовой оценки форм вины, может и не совпадать с содержанием мотивационной направленности. Так, убийство ребенка может быть совершено хотя и по определенному мотиву, но ни этот мотив, ни сформированная на его основе цель преступления – сокрытие от окружающих, родителей имевшего место факта половой близости – прямо не включает в себя лишения жизни человека. Последнее является лишь субъективно выбранным способом удовлетворения своих эгоистических побуждений, потребностей (например, мать стремится разорвать отношения с отцом ребенка).

Важной субъективной особенностью такого убийства является то, что последствие в виде смерти ребенка в данном составе является вынужденным по отношению к содержанию основной мотивации. Являясь полимотивированным, как и любое иное человеческое поведение, преступное поведение здесь продуцируется второстепенными или третьестепенными побуждениями. Так, в случае убийства матерью новорожденного ребенка при наличии смягчающих обстоятельств лишение жизни ребенка не является самоцелью убийцы. Как правило, оно мотивировано другими побочными мотивами: желанием устранить ребенка как помеху в своей жизни, отомстить отцу ребенка и иными побуждениями.

«От мотива убийства необходимо отличать цель как признак субъективной стороны. В отличие от мотива, представляющего собой внутреннее побуждение, цель указывает на то, какой результат должен быть достигнут для удовлетворения мотива» [45, с. 101].

«В теории уголовного права выделяют целую систему целей, избираемых преступником в процессе планирования своего поведения. Основной, то есть имеющей уголовно-правовое значение, применительно к детоубийству выступает цель лишения жизни новорожденного ребенка. Ее достижение может выступать необходимым звеном в достижении основной цели (главной), и при этом убийство новорожденного носит вспомогательный характер. Цель «лишение жизни новорожденного» в УК РФ не фиксируется, а лишь предполагается, исходя из общего определения убийства, которое дано в ч 1 ст. 105 УК РФ» [82].

Эмоциональное состояние субъекта применительно к ст.ст. 107, 113 УК РФ характеризуется бурной кратковременной эмоциональной реакцией - аффектом,

который может возникнуть в ответ как на неожиданный одномоментный раздражитель (в законе это насилие, издевательство или тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего или иные его противоправные или аморальные действия (бездействие)), так может стать и результатом длящегося развития аффектогенной ситуации по типу накопления переживаний. Что касается понятия психотравмирующая ситуация, то в данных составах она выполняет роль детерминанта аффекта.

В отличие от ст.ст.107, 113 УК РФ анализ ст. 106 УК РФ не позволяет сделать однозначного вывода о характере эмоционального состояния женщины, обвиняемой в убийстве своего новорожденного ребенка. Отсюда следует, что психотравмирующая ситуация может стать причиной не только аффекта, но и иным образом повлиять на психику женщины.

В психологической науке выделяются несколько разновидностей психических состояний, которые развиваются под воздействием психотравмирующей ситуации. Такие эмоциональные состояния по своей природе относятся к аффективным состояниям. «Так, по мнению И.А. Кудрявцева, наряду с физиологическим аффектом существуют также психические состояния двигательного эмоционального напряжения, которые не проявляются быстро и внезапно, но в которых, несомненно, существует очень сильное преобладание эмоциональной регуляции поведения над интеллектуальной» [45, с. 102].

Таким образом, можно сделать вывод, что субъектом данного состава преступления выступает женщина, выносившая и родившая ребенка, достигшая 16-го возраста, вменяемая. Особым смягчающим обстоятельством здесь выступает наличие у матери психического расстройства, не исключающего вменяемости. Специфика детоубийства заключается в том, что лишение жизни ребенка выступает средством разрешения женщиной определенного социального конфликта. При этом она понимает, осознает общественно опасный характер своего действия (бездействия), ее поведение является волевым. Однако принятию решения сопутствует усиленный эмоциональный фон, решение принимается в стрессовой ситуации, поэтому восприятие необходимой информации может быть неполным, а ее анализ искаженным. Убийство новорожденного ребенка видится женщиной как единственно приемлемый вариант разрешения конфликта на данный момент.

2.2. Криминологическая характеристика детоубийства

«Женская преступность представляет собой часть общей преступности, совокупность преступлений, совершаемых женщинами. Эта преступность обладает определенными особенностями, связанными с социальной ролью и функциями женщины, образом жизни и профессиональной деятельностью, биологической и психофизиологической спецификой, а также с ее исторически обусловленным местом в системе общественных отношений. С изменением

социальных условий и образа жизни женщины, ее социальных ролей изменяются характер и способы ее преступного поведения» [8, с. 39].

Исходя из анализа состава убийства матерью новорожденного ребенка, можно отметить причину его совершения во взаимодействии трех групп явлений: жизненной ситуации перед совершением преступления, социальных качеств личности и тех биологических, психологических и психических особенностей поведения женщины-роженицы, которые представляются бесспорными.

«Значимым фактором в системе детерминант такого вида преступности является существенное ослабление такого ведущего социального института, как семья. В большинстве случаев убийства новорожденных совершаются женщинами, не состоящими в браке, при этом нежелательная беременность является для части из них (35 %) результатом первого сексуального опыта» [70, с. 32]. В первую очередь, это, конечно, относится к подросткам. Однако зачастую беременность выступает результатом аморального образа жизни, беспорядочных половых связей женщины, которая уже была замужем, имеет детей. Распад семьи является как бы отправной точкой дезадаптации и криминализации женщины. Неустроенность личной жизни является еще одним обстоятельством, способствующим совершению преступления.

«Значительное количество женщин совершает детоубийство, состоя в браке. Этот факт является показателем десоциализации семьи. Такие семьи утрачивают свои социальные функции. Как показывает изучение судебно-следственной практики, в таких семьях царит эгоизм, пренебрежение к интересам других, в том числе самых близких людей. Такие семьи нельзя назвать благополучными. Члены семьи не обладают прочным социальным статусом, ссорятся и пьянствуют. В них отсутствует согласие и взаимопонимание» [70, с. 32].

Как правило, виновных по такой категории дел отличает невысокий образовательный уровень. Как отмечает В.В. Русина, «среди них практически нет лиц с высшим образованием. Неполное среднее и среднее образование имели 72,7 %, среднее специальное – 22,7 % женщин» [70].

«Именно эти обстоятельства (низкое образование и культура) в совокупности и приводят к значительному сужению и упрощению интересов, к огрубению нравов. У таких людей слабее развита критика собственного поведения, они обычно не считаются с тем, что их потребности и желания могут противоречить интересам других лиц, элементарным условиям общественного существования человека» [70, с. 33].

«При этом по социальному статусу женщины-детоубийцы распределяются следующим образом: «10 % составляют рабочие, 6 % – служащие, 60 % – работники сельского хозяйства, 1 % – учащиеся и студентки. Такие слои населения, как частные предприниматели, работники органов государственного управления, работники кредитно-финансовой, банковской сферы, полностью отсутствуют в числе женщин, выявленных в качестве убийц новорожденных. В то же время значительное количество женщин-детоубийц нигде не работали (до 30 %)» [8, с. 117].

Примечательным является неравномерное территориальное распределение детоубийств. Отмечается высокая криминальная активность в сельских районах. В общем виде причины существенной неравномерности территориального распределения данных преступлений можно объяснить различиями в условиях жизни, менталитета сельских и городских жителей.

«В ряде случаев преступницы имели некоторые психические аномалии, различные формы психопатий (в связи с чем, возникала необходимость проведения судебно-психиатрических и судебно-психологических экспертиз), но, как правило, признавались виновными либо ограниченно виновными. Примечательно, что убийства новорожденного матерью в состоянии психического расстройства, не исключающего виновности встречаются крайне редко. Как правило, это умственно отсталые женщины. Беременность у них обычно случайна - как следствие сексуального соращения, изнасилования» [71].

«Нередко психические отклонения преступников обусловлены злоупотреблением спиртными напитками и наркоманией. По данным Е.И. Грубовой, алкогольной деградации подвержена значительная часть женщин-детоубийц. Такие женщины ведут аморальный образ жизни, вступают в беспорядочные половые связи, злоупотребляют спиртными напитками, становясь хроническими алкоголиками, не имеют работы и жилья, бродяжничают. Ребенок для них является обузой, от которой они стремятся избавиться. Убийство новорожденного для них самый простой и доступный выход из создавшейся ситуации» [20, с. 40].

Основой криминологического предупреждения убийств новорождённых является деятельность районных, городских, окружных правоохранительных органов, составляющих основу системы субъектов специальной профилактики в стране. В первую очередь эта функция возложена на службу полиции общественной безопасности: участковых инспекторов полиции и инспекторов отделов по делам несовершеннолетних.

«Целью криминологического предупреждения детоубийств является оказание направленного воздействия на определённые группы населения для профилактики совершения этих преступлений путём устранения, ослабления и нейтрализации факторов, способствующих совершению подобных деяний, и проведения работы по успешной социализации их. В последние годы предупредительная деятельность правоохранительных органов в стране несколько активизировалась. По важнейшим вопросам профилактики преступности, особенно преступности против жизни и здоровья человека, принимаются совместные планы мероприятий, проводятся межведомственные совещания, обмен информацией и опытом» [43, с. 269].

Несмотря на небольшое количество детоубийств в основном массиве преступлений, работа по их предупреждению является главным направлением, поскольку любое убийство вообще и убийство беспомощного младенца в частности представляет наивысшую общественную опасность и не может по

степени своей значимости идти ни в какое сравнение ни с одним из любых других видов преступлений.

Как отмечает В.В. Русина, «практически все убийцы новорождённых отличаются неразвитой эмоциональной сферой. Развить эту сферу в личности девушки можно различными путями, в том числе и воспитанием эстетической культуры. В школах, домах детского и юношеского творчества действуют зачастую кружки художественной самодеятельности, спортивные секции, изостудии, хоры и т.п. К руководству кружками надо привлекать людей творчески одарённых, способных повлиять, в первую очередь, на девушек, поведение которых является неблагоприятным. Изменение потребностей, интересов, и ценностных ориентации таких девушек может служить гарантией предупреждения совершения ими детоубийств» [70, с. 33].

«Для повышения эффективности воспитательного воздействия на девушек с девиантным поведением, в отношении которых есть основания полагать, что они могут совершить убийство новорождённого, школа должна тесным образом взаимодействовать с семьёй. Семья является той малой социальной группой, от которой во многом зависит процесс социализации девушек, усвоение ими основных норм поведения, нравственных принципов, воспитание уважения к жизни и здоровью других людей, чувства сострадания, доброты, сочувствия. Семья как первичная ячейка общества характеризуется постоянством функционирования, чувством родства и непосредственной близостью общения. Из-за этого семье легче оказывать непосредственное воздействие на девушек, как позитивное, так и отрицательное. Кроме общепрофилактической задачи воспитания семья может и должна проводить целенаправленную деятельность по профилактике убийств новорождённых» [70].

«Являясь относительно обособленным общественным образованием, семья может влиять на девушек двояко: через образ жизни и уклад самой семьи, на уровне рефлексов, прививающих миролюбие, уважение, любовь к членам семьи, детям, способность правильно разрешать конфликтные ситуации, способность идентифицировать себя с членами семьи, принимать на себя их роли, что является показателем нормальной обстановки в семье; путём целенаправленного воспитательного воздействия одних членов семьи на других, в котором линия профилактики убийств новорождённых детей должна быть выражена особенно ярко. Конечно, такая линия нужна лишь тогда, когда возникает угроза такого убийства» [70].

«Родители должны терпимее относиться к половым связям своих детей, в том смысле, что нужно не только поучать, но и разъяснять все последствия этих отношений. Они должны научить их пользоваться контрацептивными средствами. При этом родителям необходимо в тревожных случаях прибегать к консультациям психологов и медиков. Следует отметить, что когда родители будут относиться к сексуальному поведению дочерей с большим пониманием, будут стараться понять их и помочь им, то появится реальная возможность избежать умерщвления новорождённых детей. Внебрачную беременность нужно

осуждать, но до определённого предела, за которым может наступить убийство новорождённого» [42, с. 386].

«Среди неспециализированных субъектов, могущих играть активную роль в профилактике детоубийств, следует выделить медицинские учреждения» [47].

«Кроме общего санитарно-гигиенического и медицинского просвещения населения, оказания медицинской помощи, в том числе и акушерской, врачи и иные медицинские работники должны вести активную работу по предотвращению убийств новорождённых детей» [47].

«Индивидуальная профилактика является формой использования возможностей общесоциального и специально-криминологического предупреждения убийств новорождённых для воздействия на личность женщины. Но в то же время индивидуальная профилактика самостоятельна, так как она приспособлена к учёту характерных условий жизни и психологии конкретного индивида, его личностных особенностей. То есть, индивидуальная профилактика позволяет использовать все преимущества и возможности общесоциального и специального криминологического предупреждения детоубийств для работы с отдельными личностями и с окружением профилактируемых женщин (для опосредованного воздействия на них)» [47].

«Индивидуальное предупреждение убийств новорождённых состоит из двух основных и относительно самостоятельных стадий: выявления криминогенных объектов и непосредственного осуществления предупредительных мер в отношении беременных женщин и женщин, ведущих аморальный образ жизни, о которых получена информация возможного совершения ими убийства новорождённого. Каждая стадия подразделяется, в свою очередь, на несколько этапов. При индивидуальной профилактической работе с женщинами, готовящимися совершить детоубийство, либо с уже осуждёнными за подобное преступление, формирование у них социально значимых перспектив и целей необходимо осуществлять и в процессе правового воспитания» [43, с. 271].

«Особое внимание в индивидуальном воздействии необходимо уделять пробуждению у женщин чувства совести, принимая во внимание, что женщины более эмоциональны, чувствительны, в них можно вызвать жалость к младенцу. Учитывая, что материнство является биологически заложенным инстинктом и достаточно велика возможность пробудить его, побуждение женщин к глубоким раздумьям и всемерная поддержка этого мыслительного процесса с неизбежностью приведёт к коренному изменению отношения к нормам права, своим поступкам, своему внутреннему миру и социальному статусу» [43].

«Достаточно высок уровень латентности убийств новорождённых. Вопреки распространённому в науке мнению о том, что убийства новорождённых совершаются чаще женщинами очень молодыми и даже несовершеннолетними, исследование ряда уголовных дел и статистических данных по России за последнее время показало, что наиболее криминогенно активной группой при детоубийстве выступают лица женского пола старше 30 лет с уже сложившимся

характером, убеждениями, моральными принципами, ценностными ориентациями» [30, с. 59].

«Индивидуальная профилактика убийств новорождённых должна быть ориентирована на мотивы, характерологические особенности, нравственные ориентации, способы решения жизненных проблем, то есть на те субъективные факторы, которые порождают преступное поведение. Но и внешние ситуации, способствующие совершению детоубийств, должны быть объектом предупредительного воздействия работников правоохранительных органов и других субъектов профилактики» [74].

«Комплексный подход предполагает участие в индивидуальной профилактике детоубийств специалистов различных сфер. Кроме сотрудников полиции, исправительных учреждений, педагогов, медицинских работников, к индивидуальной профилактики убийств новорождённых желательно привлекать также психологов (психоаналитиков), деятельности которых в настоящее время придаётся большое значение. Роль психолога (психоаналитика) в предупреждении детоубийств может быть очень велика, так как проводя занятия и беседы с беременной женщиной, предрасположенной к совершению убийства новорождённого ребёнка, психолог (психоаналитик) может и должен помочь ей разобраться в самой себе, в истоках возникновения чувства отчуждённости, тревожности и страха, ведущих её к принятию преступного решения. Совместный анализ бессознательных побуждений, перевод их в сферу сознательного, осмысление и понимание этих движущих внутренних сил является залогом успеха в достижении цели индивидуальной профилактики детоубийств» [74].

«При проведении индивидуальной работы с женщинами надо применять весь арсенал психологических приёмов, которые могут оказать воздействие на изменение установок личности в сторону социально одобряемых, с обязательным учётом неповторимости каждой женщины и особенностей восприятия ею условий её жизни. Такими приёмами являются: возражение, внушение, руководство, убеждение, подражание, идентификация (то есть отождествление собственной личности с образом) и др. Правильное применение при индивидуальной работе этих приёмов позволит предотвратить преступление» [8, с. 119].

«Необходимо отметить исключительно важную роль в деле индивидуальной профилактики убийств новорождённых детей, которую должны играть медицинские работники, так как нередко они первыми узнают о беременных женщинах, скрывающих своё состояние. В таких случаях врачам-акушерам необходимо под благовидным предлогом вызвать выявленную женщину на осмотр, тактично и мягко провести с ней беседу, выяснить обстоятельства отказа от постановки на учёт, её семейное, материальное, бытовое положение, её намерения. Если возникнут подозрения о подготовке такой женщины к убийству будущего младенца, то врачу необходимо поставить в известность об этом органы внутренних дел. Вместе с этим следует выяснить возможность проведения операции по искусственному прерыванию нежелательной беременности» [87].

«В ряду важных факторов, обеспечивающих результативность индивидуальной профилактики убийств новорождённых, стоит механизм контроля поведения каждой индивидуальной женщины, на которую оказывается профилактическое воздействие. Формирование личности женщины это непрерывное воздействие на неё социальных подкрепителей. Под социальными подкрепителями следует понимать обстоятельства, реально формирующие поведение женщины. Подкрепители могут быть позитивными (поощряющими определённое поведение) и негативными (играющими роль социального сдерживания от определённого поведения). И позитивные, и негативные подкрепители могут стимулировать как законопослушное поведение, так и формировать личность женщины с высокой степенью вероятности проявления антисоциальных, противоправных действий» [8, с. 120].

«Если позитивные подкрепители сопровождают социально одобряемые акты поведения женщины, то они способствуют при индивидуальной работе исправлению личности её и хорошей социализации.

Сопровождая же акты поведения женщины, принятые в её микросреде, но противоречащие нормам права и морали общества в целом, позитивные подкрепители формируют её личность как криминогенную» [69].

Выводы по разделу 2

Таким образом, проведённые нами исследования показывают, «что кажущаяся, лежащая на поверхности импульсивность действий виновных, на самом деле таковой не является, и в подавляющем большинстве своём они убийство новорождённых совершали предумышленно, боясь даже самим себе признаться в преднамеренности действий. В наше время в условиях практически полного отсутствия системы профилактической работы по убийствам новорождённых и неоправданного смягчения ответственности за этот вид преступлений происходит их рост при высоком уровне латентности, остановить который необходимо» [64].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, регламентация ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в России и в зарубежных государствах проходила несколько этапов.

Установление суровой ответственности за детоубийство светским законодательством обусловлено религиозными запретами на внебрачную жизнь и рождение детей вне законного (освященного церковью) брака. Долгое время ответственность за убийство ребенка дифференцировалась в зависимости от его правового положения (рождения в браке). Последующее смягчение наказания за это преступление связано с развитием гуманистических идей о необходимости снижения ответственности для матерей, совершающих это преступление в особых социально-психологических условиях. В России регламентация ответственности за детоубийство проходила в русле общемировых тенденций в оценке данного посягательства. В то же время для России характерно некоторое «отставание» в регламентации ответственности за детоубийство. Это свидетельствует о преобладающем влиянии зарубежного права, правовых доктрин на российскую правовую мысль и законодательную практику об ответственности за детоубийство.

Дифференцируя ответственность за убийство, законодатель предусмотрел четыре альтернативных обстоятельства, обуславливающих более мягкое наказание за убийство матерью своего новорожденного ребенка. Данные обстоятельства отражают специфику различных элементов состава. В остальном рассмотренное преступление по своим объективным и субъективным элементам ничем не отличается от общей нормы, предусматривающей ответственность за простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ), и при оценке признаков состава убийства матерью новорожденного ребенка следует ориентироваться на общие положения об ответственности за убийство.

«Родовым объектом детоубийств является личность, как носитель многих правовых благ и интересов (жизни, здоровья, достоинства, чести и т.д.).

«При этом жизнь и здоровье как биологические свойства любой личности являются естественной основой для существования всех остальных неотъемлемых и неотчуждаемых благ. Эти свойства сохраняются у человека на протяжении всей его жизни. В свою очередь, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, является жизнь ребенка во время его рождения и сразу же после родов (в последовый период)» [58].

С точки зрения уголовного права, принципиальное значение имеет определение начальных границ уголовно-правовой охраны человеческой жизни. Зафиксированный в диспозиции ст.106 УК РФ признак «во время родов» имеет несомненно позитивное значение, поскольку позволяет более четко определить границы уголовно-правовой охраны жизни человека.

«На взгляд автора, посягательство на жизнь рождающегося ребенка при сроке беременности свыше 22 недель во время естественных преждевременных или во

время искусственно вызванных преждевременных родов (во время кесарева сечения) должно признаваться убийством с того момента, когда из утробы матери появляется какая-либо часть рождающегося ребенка и возникает объективная возможность воздействия на него. При этом посягательство на ребенка, еще находящегося в утробе матери, недоступного для объективного воздействия, нельзя квалифицировать как убийство» [58].

В зависимости от способа совершения различают активное и пассивное детоубийство. Причинение смерти новорожденному ребенку путем действия является наиболее распространенным видом этого общественно опасного деяния. Основанием уголовной ответственности за преступное бездействие является наличие обязанности и возможности действовать определенным образом.

Используемый законодателем признак состава ст. 106 УК РФ и указывающий на промежуток «во время или сразу же после родов» не отражает привилегированный характер детоубийства и делает возможным неоправданное смягчение наказания за убийство матерью новорожденного ребенка.

Субъектом привилегированного детоубийства может быть только мать новорожденного. Данный специальный признак субъекта характеризует особые взаимоотношения субъекта преступления с потерпевшим. Именно этот специальный признак требует законодательного уточнения. На взгляд автора, субъектом ст. 106 УК РФ может быть только женщина, выносившая и родившая ребенка вне зависимости от своего правового статуса, то есть как суррогатная, так и биологическая мать, то есть роженица. Иные участники убийства новорожденного ребенка несут ответственность по ст. 34 УК РФ и ст. 105 УК РФ, т.к. смягчающие обстоятельства на них не распространяются.

Одним из альтернативных смягчающих признаков применительно к данной норме выступает психическое расстройство, не исключающее вменяемости. В итоге одно и то же состояние психики (явление), обусловленное одними и теми же причинами, приобрело различное правовое значение. Поэтому является неоправданным включение такого обстоятельства как психическое расстройство, не исключающее вменяемости, в конструкцию ст. 106 УК РФ.

«Убийство новорожденного ребенка может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом. С косвенным умыслом детоубийство может быть совершено в любом из четырех законодательных вариантов, указанных в ст. 106 УК РФ. При этом женщина не желает смерти новорожденному ребенку, предвидит возможность ее наступления, либо сознательно допускает ее наступление, либо относится к этому безразлично» [57].

«В случае неосторожного причинения смерти матерью новорожденному ребенку ответственность должна наступать по ст. 109 УК РФ. Важное значение при квалификации случаев причинения смерти матерью новорожденному ребенку имеет установление заранее возникшего либо внезапно возникшего умысла на убийство новорожденного ребенка. В то же время оценка предумышленной вины должна быть дифференцированной. В тех случаях, когда заранее возникший умысел на убийство свидетельствует о низменности мотивов, особой

расчетливости, хладнокровии женщины, совершившей убийство своего новорожденного ребенка, стойкости ее антиобщественной направленности, ответственность должна наступать по п. «в» ч.2 ст.105 УК РФ» [33].

Необходимым условием правильной квалификации является установление мотива убийства новорожденного ребенка. При этом психическое отношение к общественно опасным действиям и их последствиям в виде смерти новорожденного, лежащее в основе уголовно-правовой оценки форм вины, может и не совпадать с содержанием мотивационной направленности. Так, убийство ребенка может быть совершено хотя и по определенному мотиву, но ни этот мотив, ни сформированная на его основе цель преступления прямо не включает намерение лишить жизни человека.

Определение характера эмоций, сопровождающих совершение убийства новорожденного, позволяет правильно оценить психическое состояние матери и дает возможность установить наличие привилегированных оснований для уголовной ответственности. Уяснение такого смягчающего обстоятельства, как воздействие психотравмирующей ситуации, требует определения характера эмоционального состояния, которое развивается под воздействием такой ситуации. Поэтому убийство матерью своего новорожденного ребенка может быть признано привилегированным в том случае, если произошло в условиях такой травмирующей психику ситуации, которая привела либо к физиологическому аффекту, либо вызвала глубокую фрустрацию или эмоциональное напряжение (стресс).

Важным условием правильной уголовно-правовой квалификации случаев причинения смерти новорожденному ребенку матерью является обязательное проведение комплексной психолого-психиатрической экспертизы. При этом задачей такой экспертизы является не определение психотравмирующего характера ситуации, в которой находится мать, а оценка степени выраженности эмоционального состояния, возникновение и развитие которого вызвано психотравмирующим воздействием.

Анализ ст. 106 УК РФ позволил выделить ряд существенных изъянов, влияющих на оптимальность и эффективность уголовно-правовой конструкции ст. 106 УК РФ. Причина заключается в широком использовании законодателем при конструировании ст. 106 УК РФ оценочных признаков. При этом большинство из этих терминов являются медицинскими либо чаще используются в психологии (роды, новорожденный, психотравмирующая ситуация).

Действующая ст. 106 УК РФ, устанавливающая ответственность за привилегированное детоубийство нуждается в дальнейшем совершенствовании, с целью разъяснения имеющихся в ней оценочных признаков и медицинских категорий, что приведет к единству правоприменения данной статьи и устранил ошибки со стороны следственных и судебных органов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации. // Российская газета. – 1993. – 22 декабря.
2. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Справочно-правовая система «Гарант»: [Электронный ресурс] / СПС «Консультант Плюс».
3. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63–ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
4. Гражданский кодекс РФ. Часть I. № 51 – ФЗ от 30 ноября 1994 г. // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст.3301.
5. Постановление ВС СССР от 13 июня 1990 г. № 1559–I «О ратификации Конвенции о правах ребенка» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 26.
6. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591 (утратил силу).
7. Античная древность и средние века / Отв. ред. В.П. Степаненко. – Екатеринбург: Свердловск, 2011. – 248 с.
8. Антонян, Ю.М. Преступность среди женщин / Ю.М. Антонян. – М.: 2012. – 296 с.
9. Беккария, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккария. – М.: 2005. – 112 с.
10. Беляев, И.Д. История русского законодательства / И.Д. Беляев. – СПб.: 2013. – 318 с.
11. Бородин, С.В. Преступления против жизни / С.В. Бородин. – М.: Юрист, 2011. – 168 с.
12. Векленко, С. Интеллектуальное содержание умышленной вины / С. Векленко // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 12-15.
13. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2012. – 412 с.
14. Волженкин, Б. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами / Б. Волженкин // Уголовное право. – 2010. – № 1. – С. 16–20.
15. Волкова, Т. Правовая защита права на жизнь новорожденного / Т. Волкова // Законность. – 2004. – № 4. – С. 18–22.
16. Гавриш, С.Б. Теоретические предпосылки исследования объекта преступления / С.Б. Гавриш // Политика и право. – 2010. – № 11. – С. 11–12.
17. Графский, В.Г. Всеобщая история права и государства. Учебник для вузов / В.Г. Графский. – М.: Норма, 2000. – 546 с.
18. Грубова, Е.И. Особенности регламентации ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в странах с романо-германской системой права / Е.И. Грубова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2008. – № 3. – С. 51–55.
19. Грубова, Е.И. Ретроспективный анализ дореволюционного российского уголовного законодательства об ответственности за убийство матерью

- новорожденного ребенка / Е.И. Грубова // История государства и права. – 2008. – № 13. – С. 47–50.
20. Грубова, Е.И. Ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка в странах ближнего зарубежья: сравнительно-правовой анализ / Е.И. Грубова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2008. – № 2 – С. 38–41.
21. Грубова, Е.И. Нормы об убийстве матерью новорожденного ребенка / Е.И. Грубова // Российский следователь. – 2008. – № 12. – С. 32–35.
22. Дядюн, К.В. Убийство матерью новорожденного ребенка: вопросы объективной стороны состава / К.В. Дядюн // Адвокат. – 2013. – № 11. – С. 30–32.
23. Загородников, Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву / Н.И. Загородников. – М.: 1961. – 138 с.
24. Иванов, Н.Г. Убийство суррогатной матерью новорожденного ребенка / Н.Г. Иванов // Российская юстиция. – 2005. – № 12. – С. 27–30.
25. История государства и права зарубежных стран. Учебник для вузов. Часть 1 / Под ред. О.А. Жидкова, Н.А. Крашенинниковой. – М.: 2015. – 538 с.
26. История государства и права зарубежных стран. Учебник для вузов. Часть 2 / Под ред. О.А. Жидкова, Н.А. Крашенинниковой. – М.: 2015. – 486 с.
27. История Древнего Востока: материалы по историографии. Учебное пособие / Под ред. В.И. Кузицина, А.А. Вигасина. – М.: Закон, 1991. – 396 с.
28. Исаев, И.А. История государства и права России. Учебник / И.А. Исаев. – М.: 2015. – 482 с.
29. История государства и права России. Учебник / Под ред. Ю.П. Титова. – М.: 2015. – 546 с.
30. Капинус, О.С., Додонов, В.Н. Убийство матерью новорожденного ребенка в современном уголовном праве: отечественный и зарубежный опыт / О.С. Капинус, В.Н. Додонов. – М.: Буквоед, 2008. – 226 с.
31. Карамзин, Н. М. История государства Российского. Т.1 / Н.М. Карамзин. – М.: Юрист, 2013. – 384 с.
32. Карлов, В.П. Проблемы квалификации при убийстве матерью новорожденного ребенка, совершенном в соучастии с другим лицом / В.П. Карлов // Российский следователь. – 2011. – № 7. – С. 29–32.
33. Князев, Д.С. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка и пути их преодоления / Д.С. Князев // Российский следователь. – 2010. – № 16. – С. 24–27.
34. Козлобаев, В.А., Батманова, О.Е. Особенности квалификации убийства матерью новорожденного ребенка / В.А. Козлобаев, О.Е. Батманова // Российский следователь. – 2011. – № 23. – С. 15–18.
35. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. – М.: Инфра, 2014. – 412 с.
36. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. – М.: Инфра, 2016. – 396 с.

37. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева. – М.: Юрист, 2014. – 426 с.
38. Красиков, А.Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву / А.Н. Красиков. Саратов, Из-во Саратовского университета, 2009. – 138 с.
39. Красиков, А. Н. Преступления против личности: Учебное пособие для студентов учебных заведений юридического профиля / А.Н. Красиков. Саратов, 2009. – 142 с.
40. Красиков, А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России / А.Н. Красиков. Саратов, Из-во Саратовского университета, 2006. – 144 с.
41. Кретьева, Н.Е., Смирнова, Л.М. Акушерство и гинекология / Н.Е. Кретьева, Л.М. Смирнова. – М.: Омега, 2013. – 228 с.
42. Криминология / Под ред. А. И. Долговой. – М.: 2013. – 604 с.
43. Криминология. Учебник для вузов / Под ред. С.Ю. Бурлакова. – СПб.: 2015. – 516 с.
44. Кругликов, Л.Л., Каплин, М.Н. Посягательства на личность и уголовная ответственность / Л.Л. Кругликов, М.Н. Каплин // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 9–12.
45. Кудрявцев, В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юрист, 2012. – 148 с.
46. Кургузкина, Е.Б. Убийство матерью новорожденного: природа, причины, предупреждение / Е.Б. Кургузкина. – Воронеж: Труд, 2009. – 148 с.
47. Курс уголовного права. Том 3. Особенная часть. / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: Зерцало, 2012. – 306 с.
48. Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении. Т.1. / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 2012. – 348 с.
49. Ливанцев, К.Е. История буржуазного государства и права. Учебное пособие / К.Е. Ливанцев. – Л.: Питер, 1986. – 428 с.
50. Лукичев, О.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства / О.В. Лукичев. – СПб.: 2007. – 282 с.
51. Лунеев, В.В. Субъективное вменение / В.В. Лунеев. – М.: Юрист, 2012. – 164 с.
52. Лысак, Н.В. Некоторые спорные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка / Н.В. Лысак // Российский следователь. – 2008. – № 18. – С. 35–38.
53. Лысов, М.Д. Логико-структурный анализ понятий и признаков преступлений в действующем Уголовном кодексе РФ / М.Д. Лысов // Государство и право. – 2007. – № 12. – С. 12–14.
54. Махмудова, М.А. Проблемы убийств матерями новорожденных детей: региональный аспект / М.А. Махмудова / М.А. Махмудова // Вопросы ювенальной юстиции. – 2007. – № 1. – С. 19–23.
55. Милюков, С.Ф. Уголовное законодательство: опыт критического анализа / С.Ф. Милюков. – СПб.: Питер, 2011. – 274 с.

56. Михлин, А. Обсуждаем проект УК Российской Федерации / А. Михлин // Государство и право. – 1993. – № 9. – С. 15–18.
57. Муслимова, Э.Г. Особенности доказывания по делам об убийстве матерью новорожденного ребенка / Э.Г. Муслимова // Российский судья. – 2008. – № 3. – С. 47–50.
58. Мясников, О.А. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в теории, законодательстве и судебной практике / О.А. Мясников. – М.: 2012. – 216 с.
59. Назаренко, Г.В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно-опасные деяния / Г.В. Назаренко. – М.: Юрист, 2011. – 168.
60. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть / А.В. Наумов. – М.: БЕК, 2012. – 358 с.
61. Новицкий, И. Б. Римское право / И.Б. Новицкий. – М.: Инфра, 2014. – 258 с.
62. Отечественное законодательство XI – XX веков. Ч. 1. / Под ред. О.И. Чистякова – М.: 2013. – 462 с.
63. Отечественное законодательство XI – XX веков. Ч. 2. / Под ред. О.И. Чистякова – М.: 2013. – 398 с.
64. Побегайло, Э.Ф. Проблемы уголовной политики в сфере обеспечения безопасности жизни граждан (законотворческий аспект) / Э.Ф. Побегайло // Уголовное право. – 2011. – № 1. – С. 34–40.
65. Погодин, О., Тайбаков, А. Убийство матерью новорожденного ребенка / О. Погодин, А. Тайбаков // Законность. – 2007. – № 5. – С. 26–31.
66. Полянский, Н.Н. Уголовное право и уголовный суд Англии / Н.Н. Полянский. – М.: 1989. – 168 с.
67. Попов, А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах / А.Н. Попов. СПб., Питер, 2011. – 128 с.
68. Проблемы сравнительного исследования законодательства союзных республик / Под ред. А.И. Иванова. Ташкент, 1974. – 142 с.
69. Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. М.П. Журавлева, Е.И. Никулина. – М.: Норма, 2016. – 574 с.
70. Русина, В.В. Криминологическая и судебно-психиатрическая характеристика женщин, совершивших убийство новорожденного (неонатид) / В.В. Русина // Российский следователь. – 2012. – № 7. – С. 31–34.
71. Сафуанов, Ф. Экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка / Ф. Сафуанов // Российская юстиция. – 2008. – № 3. – С. 21–26.
72. Святенюк, Н.И. Убийство матерью новорожденного ребенка, совершенное совместно с другими лицами / Н.И. Святенюк // Российский следователь. – 2005. – № 9. – С. 22–25.
73. Ситковская, О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / О.Д. Ситковская. – М.: Инфра, 2015. – 268 с.
74. Судебная медицина. Учебник для студентов юридических вузов / Под ред.

- В.Л. Попова, – М.: Юрист, 2014. – 218 с.
75. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая / Н.С. Таганцев. Т.2. – М.: 2004. – 382 с.
76. Тер-Акопов, А.А. Бездействие как форма преступного поведения / А.А. Тер-Акопов. – М.: Право и закон, 1980. – 118 с.
77. Тимина, Л.И. Ответственность за детоубийство по советскому уголовному праву / Л.И. Тимина. – М.: Юрист, 1980. – 248 с.
78. Трясоумов, М.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с детоубийством / М.А. Трясоумов. Екатеринбург, Из-во УрГЮА, 2009. – 184 с.
79. Уголовное право России. Особенная часть. Т.2. / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова – М.: Инфра, 2012. – 418 с.
80. Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. Б.В. Здравомыслова. – М.: Брандес-Альянс, 2012. – 482 с.
81. Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: 2015. – 408 с.
82. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.Н. Петрашева. – М.: Проспект, 2016. – 374 с.
83. Федотов, И.С. Особенности возбуждения уголовного дела при детоубийстве / И.С. Федотов // Следователь. – 2012. – № 8. – С. 36–41.
84. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. Т.1. - СПб: 2006. – 384 с.
85. Черниловский, З.М. Всеобщая история государства и права / З.М. Черниловский. – М.: Юрист, 2006. – 386 с.
86. Шарапов, Р.К вопросу о начале уголовно-правовой охраны жизни человека / Р. Шарапов // Уголовное право. – 2009. – № 4. – С. 21–23.
87. Щепельков, В.Ф. Субъект преступления: преодоление пробелов уголовного закона / В.Ф. Щепельков // Журнал российского права. – 2012. – № 2. – С. 57 – 60.
88. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 1 от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ч.1 ст. 105 УК)» // Российская газета от 09.02.1999. – № 24. С. 17–19.
89. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2009 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 9. – С. 39–44.